

Владимир Чёркин

ОШИБКА
Кенан Дэйла

Детектив

Владимир Петрович Чёркин

Ошибка Конан Дойла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70245277

*Ошибка Конан Дойла:
ISBN 978-5-98862-780-7*

Аннотация

Есть детективы-стрелялки, детективы-разборки, «чёрные детективы», мистические... Перечислять их можно долго, главное, что их объединяет – они вне конкретного места и времени действия – за границей, в Космосе, в каком-то измерении или в сказочной, придуманной стране... Как ни парадоксально, детективы Владимира Чёркина, большей частью происходящие на родной ему Саратовской земле, с одной стороны, имеют вполне обыденное место действия, а с другой – сочетают в себе черты многих детективов, где преступники и жертвы (и их окружение) действуют непредсказуемо и совершенно неожиданно для читателя.

Нарочито спокойный, отстраненный рассказ, добротнo, реалистично выверенные подробности, знакомая речь, человеческие характеры, будничная работа милиционера или полицейского – всё это рождает безотчётное чувство доверия к описанию того, что происходит на страницах книги. И приходит понимание, что это – та самая обычная жизнь человеческая, которая в любой момент (при своей внешней простоте) может

дать сто очков вперёд любому сочинителю. От строчек Владимира Чёркина по-настоящему трудно оторваться!

Для читателей, ценящих хороший отечественный детектив.

Содержание

Собака	6
Кулёк конфет	18
Обычное дело	39
Повадился волк в стадо	52
Неудачное приобретение	69
Чёрный пистолет	82
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Владимир
Петрович Чёркин
Ошибка Конан Дойла**

*Посвящается моей сестре Клавдии Петровне
Чёркиной*

© Чёркин В. П., 2023

Собака

Я всегда уважал мужчин... А недавно своего кота Барса зауважал за то, что он был настоящим хозяином своей территории и охранял её от других котов, а также от бродячих собак. Короче, он мог постоять за себя.

Барс часто сидел не шевелясь на подоконнике и внимательно смотрел в окно. Я удивлялся тому, что он мог это делать часами. Иногда Барс вздрагивал, делал громадный прыжок с подоконника к двери и начинал громко мяукать. Я прерывал свою работу и шёл к двери, бормоча под нос:

– Чего ты увидал, бездельник? Кошечку или кота?

Кот ушёл на улицу... Через некоторое время я тоже решил погулять после дождя. Ушёл довольно далеко от дома и бродил часа два по дороге, с одной стороны которой было болото, заросшее тростником. Уже возвращался домой, как вдруг раздался выстрел, и что-то пролетело мимо моего уха. Я сперва не сообразил, что стреляли в меня из-за угла одного из домов, и лишь когда из-за него вышел человек с пистолетом, понял, что пуля предназначалась мне. Я не стал ни возмущаться, ни выяснять отношения, а быстро побежал дальше. Но тут от второго выстрела фуражка поднялась на моей голове: это от страха волосы встали дыбом. С ловкостью кота я юркнул за угол ближайшего дома и услышал после хлопка, как очередная пуля ударила в угол дома. «За что?» –

пронеслась в моей голове мысль. Сердце захолонуло, а потом забилося в груди от страха. Кровь бросилась мне в голову и сделала её чугунной. «За что? – опять вернулась ко мне та же мысль. – Я ничего никому плохого не сделал! Надо объяснить ему, что он зря хочет меня убить! – Но тут же другая мысль перебила эту: – Под пистолетом дурака не помитингуешь! Надо, пока не поздно, прятаться!»

Смеркалось... «Рядом дома, деревья, пристройки, – начал размышлять я. – Надо нырнуть в них...» Но ничего более умного в голову не пришло, как залезть на раскидистый вяз, росший в двадцати метрах от места моего укрытия. Потихоньку подошёл к нему, обхватил руками ствол и попытался влезть. Но с моим животом сделать это было трудно. Тогда я подпрыгнул и ухватился за самый нижний сук, а потом с сука на сук, с ветки на ветку забрался почти на самый верх дерева. Там и затаился...

Как же я благодарил себя, что именно это место выбрал для спасения... Сверху мне было видно, как человек в маске и с пистолетом в руке заходит во все без разбора близстоящие сараи. Я сидел на дереве и молил заходящее солнце, чтобы оно быстрее скрылось за горизонт или чтобы шарик земной быстрее закрутился, чтобы темнота скрыла меня. «Что надо от меня этому лихому человеку?» – с недоумением размышлял я.

А в это время из очередного сарая, в который незнакомец вошёл, выскочили две кошки – одна большая, а другая в два

раза меньше. Видимо, это была кошка и её котёнок; она бежала впереди, а он сзади матери. Напуганные человеком, они мгновенно залетели (именно залетели, другого слова подобрать нельзя), лавируя меж сучками и ветками, на моё дерево. Оказавшись рядом со мной, они замерли и уставились на меня, трясущегося от страха.

– Брыс-с-с-сь! – зашипел я.

Видимо, в моём шипении было столько злобы и уверенности в своих силах, что они начали очень быстро спускаться с дерева – с сучка на сучок, с ветки на ветку – и быстро побежали опять к своему сараю. Человек вышел и от неожиданности откачнулся от них. Они мгновенно исчезли в сарае... Человек повернулся и заглянул туда, потом постоял немного и направился к моему дереву: видимо, решил проверить, чего или кого кошки испугались. Во мне всё замерло, а потом вдруг... отказало, и я сорвался с вяза, ломая сучки и ветки. Когда человек с пистолетом подошёл к дереву, я уже лежал под ним в луже. Мягкость земли и ветки, за которые я заделал, спасли меня. Хотел было встать и бежать, но страх отнял у меня все силы. Однако когда человек подошёл ко мне, несколько мгновений отчаяния придали мне сил.

– А-а-а! – заорал я, и сто килограммов ярости полетело в моего преследователя вперёд головой.

Вдавил ли я свою голову ему глубоко в живот, или нет, соображать на эту животрепещущую тему времени у меня не было. Он от неожиданности полетел вверх тормашками,

всплеснув руками, словно говоря: «Ах, да не может этого быть!» А я... Я уже удирал по берегу болота в тростник, и путь мой был к моему дому.

Конечно, любой разумный человек не побежит к своему дому и не поведёт этим самым убийцу за собой, но я плохо соображал в тот момент. «Мой дом – моя крепость!» – думал я. Мне и в голову не пришло, что убийца не знает, где я живу. Иначе он мог бы просто подкараулить меня в кустах около дома, и я бы поймал пулю... Я бежал до тех пор, пока пуля, сбившая верхушки тростника, не остановила меня, потом упал, с хрустом подмяв под себя тростник, и оказался на болотной земле. «Куда мне бежать? – судорожно соображал я. – Если это маньяк, то я приведу его домой, где рано или поздно он грохнет меня». На своё счастье, я услышал, как по моей улице идут, разговаривая между собой, мужчина и женщина.

– По-моему, это были выстрелы, – сказал мужчина.

– Нажрался в гостях, вот тебе и чудятся черти! – резко ответила женщина.

– Ты что, глупая тетеря, натянула шаль на голову и не слышишь выстрелов?! А я ясно слышал!

«Спасите! На меня напал убийца!» – хотел крикнуть я, но страх сковал мои губы... И тут опять раздался выстрел прямо недалеко от меня. Я увидел, как прохожие рванули с места в карьер: женщина – с визгом, мужик – с матюками, которые закончились словами:

– Я же тебе говорил!

Он сначала бежал сзади женщины, потом обогнал и стал отрываться от неё.

– Васятка, не бросай! – отчаянно закричала женщина.

Видимо, у её мужа было достаточно мужества внутри, он остановил свой бег, попятился назад, осматриваясь по сторонам.

– Васятка! – опять послышался голос женщины.

«Они ему не нужны, раз он не стрельнул по ним, – лихорадочно заработала моя мысль. – Зачем-то нужен только я». И я решил ползти к дому, однако как только тронулся с места, всё подо мной захрустело и затрещало.

Я вскочил на ноги и кинулся бежать, ломая всё на своём пути: он явно мог стрельнуть на звук.

Я не успевал от него оторваться... Но тут на моём пути оказался сарай, а недалеко от него – какой-то дом. Я отчаялся: если бы первым стоял дом, я бы мог спрятаться в нём. Но первым стоял сарай с открытой дверью. «Там темнота, – размышлял я, выбегая из тростника. – Что ждёт меня там – пуля или спасение? Он всё-таки не тяжеловес, как я. Как только он появится в двери и ещё не сможет разглядеть меня в темноте, я возьму его на баш: буду бодать головой в лицо, оглушу, а потом навалюсь на него, и мои пальцы нащупают его горло...»

Одним прыжком преодолев расстояние до сарая, я нырнул в дверь и оторопел: в стене сарая была дыра, в нём было

светло, как на улице. В отчаянии кинулся к этой дыре, но – увы! – не пролез в неё. На моё счастье, рядом валялась какая-то дерюга. Я схватил её и заткнул дыру. В сарае сразу стало темнее. Я встал недалеко от двери и приготовился, как на старте, встретить преследовавшего меня человека.

Вот он появился в проёме двери...

– А-а-а! – закричал я и кинулся к нему.

Он выстрелил, и пуля сорвала с меня фуражку-аэродром. Наверное, он всё-таки получил мой удар головой (я этого не помню, так как был в шоке), потому что со стоном стал сползать на землю, ударившись затылком о притолоку. «Видимо, уже в бессознательном состоянии он нажимал на курок», – подумал я, пулей пролетая мимо него и скрываясь за углом сарая. Раздался ещё один выстрел... Послышался какой-то деревянный треск. Разбираться с этим мне было некогда. Я мчался к зданию, которое было напротив сарая через дорогу: моя мечта о спасении смотрела на меня и на мир чёрными квадратными глазами трёхэтажного дома. Дверной проём был свободен. Я влетел на первый этаж и загремел осколками битого кирпича. «Выдал себя!» – от этой мысли моё сердце сжалось.

Залетев стрелой на второй этаж, я кинулся к оконному проёму. Мой преследователь остановился, стал заменять обойму и потом, прихрамывая и постанывая, зашагал к дверному проёму. Я откачнулся от окна, чтоб он не увидел меня: пистолет чётко был обозначен в его руке. Оглянулся в

поисках укрытия: редкие перегородки по длинному коридору стояли слева и справа от меня, видимо, строили какое-то административное здание с кабинетами, а потом забросили. Это здание было всего в пятидесяти метрах от моего дома. Дети со всей улицы часто играли в нём в прятки. Я не удостоился его осмотреть раньше, потому что переехал сюда недавно, и вот теперь оказался здесь по воле судьбы. «Пусть у него пистолет, – думал я, – но кирпич – тоже оружие пролетариата!» Потихонечку пошёл по битому кирпичу коридора до первой перегородки и спрятался за неё, быстро набрал себе под ноги кирпичей и стал ждать, зажав в руке полкирпича. Теперь мы были с ним почти на равных. Как я понял по его выстрелам, он был стрелок аховый, раз столько раз промазал, а на близком расстоянии шансы наши выравнивались.

Его почему-то не было видно, и шороха шагов не было слышно. Я оглянулся и, к своему счастью, заметил проём, ведущий ещё в одно помещение. «Наверное, хотели сделать комнату отдыха для начальника или его приёмную», – подумалось мне. В этот момент послышался выстрел снизу. Видимо, я всё-таки топтался на месте. Пуля только черкнула по бетону, а я от радости рявкнул:

– Зря стараешься! Бетон непробиваем, а у меня полно кирпичей! Иди сюда!

– Жди, я приду! – раздался хрипло-злой голос моего преследователя.

Видно, он оценил меня как противника. Я быстро перебе-

жал на другое место, спрятался за другую перегородку и стал бросать половинки кирпичей в другой конец коридора. Они, падая, создавали грохот, а я отбегал за следующую перегородку и швырял кирпичи в противоположный от меня конец коридора. Когда забежал за последнюю перегородку и увидел на полу кусок зеркала, обрадовался. Оно стояло, прислонённое к стене, и показывало часть коридора так, что я мог, не высовываясь из-за укрытия, наблюдать за своим убийцей. Я ждал его с половинками кирпичей в каждой руке...

В зеркало было видно, как он, крадучись, идёт в другой конец коридора, держа пистолет впереди себя, возле каждой перегородки он рывком пролетал около неё и останавливался посередине двух дверей. Ему явно было неизвестно, где я спрятался, поэтому он наставлял дуло пистолета сначала на одну дверь, потом на другую, пружиня при этом ногами. Потом его тактика изменилась: дойдя до очередного проёма, он быстро нырял в него. «Пока он ищет того, кого там нет, я постараюсь тихо спуститься из проёма окна и дать дёру из этой западни», – пронеслась в моей голове мысль. Осторожно подойдя к окну, я посмотрел вниз: до земли было где-то метра четыре. Можно было прыгнуть вниз, шанс у меня был, но там было полно битых кирпичей... Шею, конечно, не сломаешь, но ногу можно.

А убийца уверенно шёл в мою сторону... Опять раздался выстрел, и со звоном посыпались остатки зеркала, словно вода разлилась осколками луж. «Нет, он всё-таки метко

стреляет, – подумал я. – Надо рискнуть!» Быстро перебросив своё тело через оконный проём, я повис на руках, уцепившись за подоконник, и разжал пальцы. Мои ноги очень долго, как мне показалось, не могли коснуться земли. Наконец коснулись, но не земли, а кирпичей; я приземлился на ноги в полуприсяде, быстро вскочил и, чуть прихрамывая, побежал вдоль стены, думая про себя: «Он сюда, а я – в тростник!» Но он, видимо, устал гоняться за мной, а последний его выстрел был выстрелом ярости и обиды.

Когда я пробежал мимо двери здания, мой преследователь неожиданно вышел из неё, и мы столкнулись нос к носу. Он поднял пистолет... Я стоял как вкопанный... И вдруг на оконном проёме над дверью кто-то дико закричал и на убийцу упал комок чего-то живого...

– А-а-а! – закричал человек и стал падать.

Пистолет вылетел у него из руки... А комок рассыпался, и два кота помчались в разные стороны. Я успел их разглядеть. Это были мой кот Барс и соседский кот – его вечный противник в борьбе за территорию и за кошек. Если б не эти два кота, меня бы точно кокнули. Мой Барс вовремя оказался в нужном месте. Наверное, сработала его привычка повсюду ходить за мной.

Раздумывать было некогда, я кинулся к пистолету. Передо мной лежал поверженный враг, на лице у него была маска... Наставив на него пистолет, я заорал:

– Сними маску!

Он застонал, но не пошевелился. Я заткнул пистолет за пояс, нагнулся и стянул с его головы чёрный кулёк с прорезями для глаз... По обломкам кирпичей рассыпались длинные волосы... «Женщина!» – мысленно ахнул я и сел на порог двери.

В это время женщина открыла глаза и повертела головой... И тут я узнал в ней свою дальнюю знакомую...

– Ну ты, убийца, не хочешь подать руку женщине? – ехидно спросила она.

– От убийцы слышу! – зло ответил я.

– Ох-ох, – застонала она и, опираясь руками о землю, немного приподнялась. – Если бы захотела убить – убила бы! Ну что, герой, струсил небось?

– А как ты думаешь, если бы я тебя под пулями гнал, ты не струсила бы? Зачем ты в меня стреляла?

– Ты задавил мою собачку! – заплакала она.

– Чего? Что-то такого случая не помню, я никого никогда не давил!

– Ты ехал на машине, а в это время моя собачка бросилась от меня к дороге и попала под задние колёса твоей машины. Вспомнил?

– А-а-а, это когда ты болтала с подружкой около дороги, а она крутилась возле вас, а потом кинулась под машину?

– Вспомнил... – опять заплакала она. – Мою любимую девочку!

– К твоему сведению, меня тогда друг подвозил домой на

своих «Жигулях»...

– Угораздило тебя ехать именно по этой улице!

– А почему ты не позвонила мне и не сказала, что ты стоишь там? – отпарировал я, шутя. – Я бы не поехал.

Она перестала плакать:

– Значит, ты считаешь, что виновата я? Ты обвиняешь меня в убийстве моей любимой собачки? Зря я хоть раз не попала в тебя резиновой пулей, ты бы понял, как было больно мне, когда я смотрела на свою погибшую девочку. Она была мне как друг, как сестра...

Наш диалог затягивался... Она сидела на холодной земле, а я – на бетонном порожке. Я встал, поднял её с земли и спросил:

– Ты где живёшь?

– Отдай пистолет! – вместо ответа потребовала она.

– Сейчас, тороплюсь и падаю! Ты с глупинкой, можешь выстрелить. За собаку невинного человека хотела кокнуть! Купила бы себе другую собаку – и дело с концом.

– Ага, шутишь, – снова чуть не заплакала она.

– Хватить плакать! – оборвал я её. – На базаре за три рубля можно купить любую собаку.

– Ага, «за три рубля», – передразнила она и назвала сумму, за которую когда-то купила этого щенка.

Я опешил:

– Слушай, да за такие деньги я сам тебя буду любить и таскать на руках.

– Я согласна, но собаку мне купи.

...Сколько бы ни стоила новая собака, мне пришлось купить её. Что поделаешь? Тем более что потом она стала моей женой... А теперь её собака – я... Единственное, что мне не нравится в ней, – это то, что она не переносит жареный лук.

Кулёк конфет

Две женщины сидели за столом и пили чай.

– Мама, давай фотографию на стену повесим. Вот все мои одноклассники здесь...

– Дочка, нельзя на стену вешать фотографии, Аллах не кажет.

– Ой, мама, двадцать первый век на дворе! Я хочу врачом стать, учиться в институт пойду. Папа разрешит...

– Пусть только не разрешит! Я ему...

– Ой, мама, знаю я тебя... А ты до замужества встречалась с папой?

– Что ты, дочка, тогда и в мыслях никто из девочек такое не держал! Когда меня отдавали замуж, страх у меня такой был – душа из тела вылетала! Три дня не спала, думала: какой он? Аллаха молила, чтоб он был здоровый, не кривой... А когда разрешили на жениха посмотреть, благодарила Аллаха, что он высокий и красивый. – И мать тяжело вздохнула.

– Что ты, мама, вздыхаешь? Ведь высокий и красивый...

– Злой он человек, дочка.

– Мама, да он мне душу свою отдаёт!

– Тебе – да... Но ладно, забудем об этом разговоре. Я за тебя, Асия моя, тоже душу отдам! И чтобы он там ни думал, я сделаю всё для тебя. Мы живём среди русских женщин, а они даже в космос летают. Если что, я ему...

– Мама, ну какая ты у меня умная, – улыбнулась дочка, – и смелая!

В это же самое время в другом месте за столом сидело четверо, ели руками плов, пили густой чай... Высокий симпатичный курд Альбек говорил:

– Аллах спас меня и мою семью. Горбатый не защитил нас, наш народ, когда нас выгнали из Средней Азии. Да, Аллах свидетель, мусульманин пошёл на мусульманина...

Забудем это, мои друзья. Мы здесь среди русских и казахов, нам ничто не угрожает. Забудем политику и перейдём к делу. Так ты, Кайсым, как я понял, обещаешь хорошие деньги за мою дочь? Ну да, она красавица, спортсменка...

– А ещё комсомолка и будущий доктор медицинских наук, – продолжил Кайсым.

– А что плохого в том, что она мечтает быть врачом? – спросил отец.

Двое рассмеялись, а третий – Кайсым – симпатичный, средних лет мужчина усмехнулся:

– Мне нужна жена...

– Тебе нужна вторая жена, – уточнил отец.

– Ну и что? Аллах разрешает иметь до четырёх, если можешь их прокормить.

– Не забудь, мы живём на территории России, а здесь свои законы... Но мы не будем нарушать наши традиции, обычаи и законы шариата. Задёшево дочь не отдам.

– Четыре тысячи и ни рубля больше! – отрезал Кайсым.

– Хорошо, но сейчас и полностью! – подумав, согласился отец.

Кайсым достал из внутреннего кармана деньги:

– Считать будешь?

– Мусульманин не обманет мусульманина, – ответил отец и сунул деньги в карман. – Теперь надо, по традиции, так сказать, сыграть нашу свадьбу-договор, спросить, согласны ли жених и невеста.

– Хорошо, пройдёмте в другую комнату.

Все четверо мужчин прошли и сели за столик на ковёр.

– Тебе нравится невеста? – спросил один из мужчин будущего жениха.

– Да.

– Ты хочешь на ней жениться?

– Да.

– А ты, невеста? – обратился он к другому мужчине, исполняющему роль невесты. – Хочешь выйти за него замуж?

– Да, – ответил тот.

– Восхвалим Аллаха милосердного и великого! – заулыбались все.

Они встали и пошли во двор. Садясь на коня – маленькую монгольскую лошадь, отец дочери, которую он только что продал, сказал:

– Поезжайте к моему двоюродному брату, он придёт к нам домой и вызовет дочь во двор... Да будет счастлива семья!

– Аллах акбар! – хором сказали провожающие.

Отец легонько ударил пятками в бока лошади, и она, махнув хвостом, затрусила по чуть прибитой дождём дороге в степь.

...Мать сидела с дочерью за столом и катала в ладонях сыр. Эти сухие сырные катушки-градинки муж потом брал с собой в степь, они долго хранились. Мясо они научились сохранять в роднике, оно оставалось свежим до трёх дней. Муж пас совхозное стадо.

Асия учила русский язык, потом стала делать задания по математике... Вошёл двоюродный брат мужа и сказал:

– Асия, там твои подружки к тебе пришли и ждут во дворе.

Мать почтительно встала и пригласила его к столу, а дочка козочкой выскочила во двор...

– Садись, я сейчас чай подам, – предложила мать. – Сливки?

– По-русски живёте, – осмотревшись вокруг, покачал головой мужчина. – Стол, стулья...

– У нас в другой комнате по-мусульмански...

– Мама! – вдруг раздался во дворе испуганный крик дочери.

Женщина кинулась к двери, но гость опередил её и встал у двери.

– Не спеши, апа! – почтительно сказал он.

– А, чёрт, она кусается! – донёлся мужской крик со двора.

– Мама! – снова закричала дочь.

Мать оттолкнула мужчину от двери и выскочила во двор.

И увидела, как двое мужчин запихивают её дочь в машину.

– Стойте, негодяи! – заорала мать.

Машина плохо заводилась... Матери попался на глаза валившийся на земле камень. Она швырнула его в заднее стекло машины, и оно осыпалось, оставив на резинке осколки стекла, окно стало похоже на раззявившую пасть с изъеденными зубами. Машина дымнула и рванулась с места с пробуксовкой... Вышел из дома двоюродный брат мужа и с ухмылкой посмотрел, как мать бежит вслед за машиной с вытянутыми руками с криком:

– А-сия-я-я!

Мать задохнулась и упала...

Участковый сидел за столом – сытый и довольный жизнью с той поры, как в район нахлынули курды. Жизнь его стала не мёд, а баранина: приезжий народ часто приглашал его в гости. Еда у них была вкусная, а за зашторенными занавесками окон – Аллах не увидит! – были и рюмки, не одна и не две. Располнел участковый, солидность и важность приобрёл. Жена его, наполовину казашка, наполовину русская, была женщина покорная и худосочная. Когда он приходил домой и брякался на софу, она расшнуровывала его ботинки, снимала их... «Ну что у меня за жена такая? – думал

он в это время. – Не мог найти лучше!» С тем и засыпал... А утром шёл к себе в участок, плюхался в кресло, звонил в управление, докладывал, что на его участке всё спокойно и происшествий не случилось.

И вот на пороге его кабинета появилась женщина с лицом белее снега и закричала:

– Украли мою голубушку! Дочку Асию украли!

Участковый чуть не подпрыгнул в кресле от страшной мысли: «Тут не Кавказ, а почти центр России! И такое! За кражу человека...»

– Послушай, ты выдвигаешь очень серьёзное обвинение против людей. Ты знаешь, что за это дают до двенадцати лет? Садись, успокойся... – и он налил ей из графина воды. – Я думаю, что в этом деле участвовали и ваши родственники? – Женщина, выпив воды, немного успокоилась. – У вас, мусульман, как я знаю, кража невесты допустима... Ты вот что, иди домой, а мы после разберёмся.

Женщина молча встала и вышла из его кабинета. Побрела домой... А её муж Альбек, приехавший на калду навеселе после такой выгодной сделки, привёз и своему напарнику бутылец.

– Вот, дочерей надо иметь! – хвастался Альбек, лёжа на лежанке, заложив руки за голову. – Мне вот за мою девочку столько отвалили, ого-го! Машину теперь куплю!

– Да вы вроде женщин не цените. У вас жена как рабыня.

– Много ты понимаешь! Хорошая жена – это счастье... –

И он уснул, улыбаясь.

А в машине, которая мчалась по степи, сидела между двух мужчин Асия и плакала...

– Что ты разревелась? – говорил ей один из мужчин. – Тебе давно пора замуж. Раньше девочки выходили в тринадцать лет, а тебе почти четырнадцать. И муж у тебя умён, богат, красавец...

– Папа узнает и убьёт вас! – ответила девушка.

Они загоготали.

– Да твой папа... – начал было говорить один из мужчин, но другой резко оборвал его:

– Заткнись!

Через час машина подъехала к небольшому аулу и остановилась у одного из домов. Их встретил Кайсым и с порога сразу же спросил Асию:

– Жена, почему не в чадре? Отведите её на женскую половину. Пусть ею займётся моя жена, а я по делам. Корова на второй ферме заболела...

Асию отвели на женскую половину дома. Она плакала, чем вызвала жалость у женщины намного старше её – первой жены.

– Мой муж – хороший человек, – говорила женщина, глядя Асию по голове. – Я тоже вышла за него вот как ты. Ревела, а потом привыкла, слюбились... Не хотела я вторую жену, да они разве слушают нас? Мы, мусульманки, только

тем и хороши, что покорны и терпеливы. Ты молись Аллаху, легче тебе будет.

– Я мечтала врачом быть... – сквозь слёзы сказала Асия.

– И я тоже мечтала, да улетучилась моя мечта. Давай я тебя помою. А ты плакать перестань и мужу не груби, будь ласкова с ним, и всё будет хорошо. А станешь любимой женой, всё тебе будет – и любовь, и ласка, и даже учёба. Он для тебя всё сделает. – И она привела последний довод: – Любимой жене всё позволено!

Через три дня, когда приехал Кайсым, Асия была уже спокойной: смирилась со своей участью. «Я мусульманка, – говорила она себе, – а то, о чём мы мечтали с другом детства... Это были детские мечты...» Асия встретила мужа ласково, но тяжело вздохнула... Тот поел и пошёл на улицу. Во дворе был небольшой бетонный бассейн. Кайсым долго в нём мылся, фыркал...

...Утром, отлюбив молодую жену два раза, он недовольно ей бросил:

– Уходи к отцу! Я думал, ты девочка, а ты женщина. А я ему платил за девочку. – И он вышел, не глядя на Асию, бросив своей безропотной первой жене: – Пусть уходит, мне такая не нужна! Поеду заберу деньги. Да простыню, на которой мы спали, собери и никуда не отдавай. Отцу предьявим! – И он уехал.

Асия осталась в постели: у неё всё горело внутри, во рту пересохло. Она молча плакала и думала: «Стыд, позор! По-

чему Аллах сотворил меня такой?» Она села и подобрала под себя ноги, продолжая плакать... Потом посмотрела на дверь... на ручку двери... Сделала петлю на шарфе... Делая это, вспомнила, как давным-давно она ещё ребёнком сидела среди взрослых и слушала их рассказы. Один пастух рассказывал: «Я чуть не умер однажды. Научили меня, дурачка, жилы на шее пальцем прижимать. Я попробовал и уснул. Хорошо, напарник разбудил, а то бы умер».

Асия решила поугадать старшую жену. «Войдёт она, увидит, испугается и снимет меня, – размышляла она, привязывая один конец шарфа к двери и накидывая петлю на шею. – И муж не прогонит обратно к отцу». Она встала на колени, потом легла: голова не достала до пола. «Что я делаю?» – пронеслась в голове мысль, когда она начала засыпать...

К вечеру в спальню зашла старшая жена, с трудом открыв дверь.

– Умерла! – охнула она, потом выскочила на улицу и закричала: – Умерла жена!

Вышли соседи, кинулись к их дому. Один мужчина отвязал Асию от ручки двери и положил на кровать. Все смотрели на мёртвую девочку... Смерть уже вступила в свои права... бледно-шафранный цвет покрыл её лицо, но она была по-прежнему красива, с разлётом чёрных бровей и карими глазами. Мужчина закрыл Асии глаза...

...Кайсым приехал на калду к отцу Асии, поздоровался.

– Салам алекум! – ответил тот. – Что, зятёк, примчался?

– А то! Забери свою дочку, а деньги верни!

– Это как?.. Мы же договорились... Дочку ты взял... Девочка теперь опозорена...

– Она не девочка!

– Это как не девочка?! Она ни с кем не встречалась... Значит, решил использовать и обмануть?

– Ты меня за дурака не держи! Она не девочка! Деньги отдай и езжай забирать дочь!

– А вот этого видал? – и Альбек показал дулю.

Кайсым схватил его за полу халата и приблизил к себе:

– Да я тебе!

– Ты что, слюной мне брызгать будешь? – и Альбек боднул его в лицо.

Кайсым упал бы, если бы не держался за халат. Альбек потянул его за собой, оторвал от себя и ударил в лицо. Но тут ударил его и Кайсым, уронил на землю и не сдержался, ударил ещё раз.

– Ой-ё-ёй! – схватился Альбек за бок.

– Где деньги? Убью!

– На топчане, в подушке, – ответил отец.

Кайсым пошёл в вагончик и кинулся к подушке, рванул наволочку. К его ногам упали деньги... Не считая, он положил их в карман халата и вышел.

– За дочь свою приезжай! – сказал он отцу Асии. – Я позор терпеть не буду! Не приедешь – убью её!

Кайсым гнал машину, петляя по степи... И вдруг, когда вырулил из очередного оврага, на его пути встал всадник на коне, с виду почти мальчик, но рослый.

– Деньги верни! – приказал всадник.

– Какие деньги? Как разговариваешь со старшим? Да я тебя... – Кайсым вылез из машины.

Юноша поднял коня на дыбы. Кайсым попятился...

Всадник крикнул:

– Тюрьма по тебе плачет! – и после этих слов ускакал.

Обозлённый Кайсым сел в машину и вдарил по газам...

Домой он приехал вечером... Возле дома стояли люди...

– Что собрались? – спросил он. – Меня, что ли, не видели?

Из дома выскочила старшая жена и упала ему в ноги:

– Умерла она! Прости, не доглядела...

Кайсым кинулся в спальню и оторопел...

– Асия! – закричал он. – Ехал я от твоего отца, долго думал и решил покрыть твой грех. Молода ты, красива, по душе мне пришлась... – и он упал около Асии... Захолонуло его сердце... Лежал он с ней – голова к голове, руки на ней. – Асия, милая, что ты наделала?

Долго лежал он около Асии, потом встал и, покачиваясь, пошёл, на ровном месте чуть не споткнулся... Позвал парня из толпы и велел ему завернуть тело Асии в ковёр и доставить домой на машине. Асию увезли к отцу...

...Мать, убитая горем, сидела, покачиваясь, около тела

дочери и бормотала что-то нечленораздельное. Ждали отца, но он в тот день не приехал. А Асию надо было готовить к похоронам. Отправили за ним всадника... Тот помчался в степь... Отца Асии потом нашли убитым около калды... Арестовали Кайсыма...

– Жену удушил, отца её убил, – устало вздыхал следователь, сочувственно глядя на Кайсыма. – Уголовное дело заведено на тебя. Два убийства... Грозит тебе пожизненное...

– Да не убивал я никого!

– Вот документ, принёс криминалист... В пачке денег, что взяли у тебя, нашли отпечатки пальцев отца. Как они оказались на деньгах? За девушку платил?

– Платил, калым это.

– А почему девушку убил?

– Не убивал я, да и не девушка она.

– Как не девушка?! Её все у нас знают, она из хорошей семьи, Аллах берёт её для семейной жизни... Слушай, я знаю, наверное, не понравилась тебе строптивая, отказала тебе в ночи... Ну погорячился немного, пальцы на её горле подержал, а она возьми и умри. Ты инсценировал её смерть: мол, сама повесилась. Денег стало жалко... И такое бывает... Решил обмануть. Как у вас там бывает? Сказал муж жене три раза: «Развожусь!» – и всё. А она в петлю, а ты – к тестю: мол, деньги давай, а жену забери.

– Да не убивал я ни её, ни его! Ну подрались мы с ним, ну

врезал я ему, деньги забрал и ушёл.

– Нет, ты деньги забрал, наволочка разорвана, вышел, а топор рядом лежал, которым ты в гневе ударил его по голове...

– Да не убивал я его! Подрались мы, и всё. О Аллах, за что мне такое наказание? Ничего не делал, и вот тебе! О Аллах!

– Кайсым, не сваливай всё на Аллаха. Девушку, скажем, ты не убивал, но довёл до самоубийства. Она женщина, и ты в России...

– Нельзя ли передать моё дело следователю-мусульманину?

– А что, он законы может изменить?

– Нет, но подход к ним будет другой.

Седоволосый следователь передал просьбу Кайсыма начальнику.

– Это ещё зачем? – спросил начальник.

– Говорит, что мусульманин лучше поймёт ситуацию.

– У нас в России законы для всех одинаковы. Так что иди и работай! – ответил начальник. – Хотя постой! Что там говорит твой подследственный?

– Говорит, что не убивал, только дрался... И что девушка была не девочкой...

– Это как?

Капитан улыбнулся:

– Платил за девочку, а получил женщину...

– Так это ещё лучше, как писал Бальзак, мол, на девочку

много времени надо тратить.

– Да, но он не захотел быть... на вторых ролях. Для нас это смех, а для них – очень важно... Наши криминалисты всё сделали, успели...

– И что? Чего замялся, договаривай.

– Она похожа на подследственного...

– Договаривай! – потребовал начальник, видя, что следователь замялся.

– Криминалист говорит, что биоматериал принадлежит Кайсыму, а свежих разрывов плевры нет. То есть она действительно была не девушкой.

– А что говорят другие участники кражи невесты?

– Говорят, что, мол, наше дело маленькое, мы просто везли её по указанному адресу, и мы ни при чём.

– Короче, идите и работайте с убийцей! – отрезал начальник.

– С каким убийцей?

– Тебе до сих пор не ясно? Кто довёл девушку до самоубийства? А кто бил её отца?

– Но Кайсым не сознаётся!

– Дожми его!

– Ну, разве только так.

Следователь пошёл к себе и приказал привести к нему подследственного.

– Какого? – спросил дежурный.

– Басурманина...

– Вы скажете! Я тоже нерусский, но уважаю всех людей...

– Веди Кайсыма и не разговаривай! Я тоже всех уважаю, но только не преступников и убийц!

– Слушай, Кайсым Тимурадович, – сказал нарочито устало следователь, когда к нему привели подследственного, – хватит ваньку валять! Сознаться, что это ты убил отца! Чего уж тут, грехов на тебе много, одним больше, одним меньше...

– Да, я понимаю, что подозрение падает на меня, но знаешь, что я подумал? А не убил ли его малец?

– Какой малец? Подпасок, что ли? Свалить на него хочешь?

– Этот гадёныш меня на коне догнал и не побоялся потребовать деньги, чуть конём не стоптал. Так что от него...

– Хочешь отвертеться?

– Да не убивал я, поверь, только дрался!

– Да, жену купил...

– Ну да, купил, но чтоб убить!

– Не отпирайся. Лучше сознайся!

– Да не убивал я! Это подпасок мог убить.

– Он же ещё ребёнок!

– Я повторяю: этот ребёнок со своим конём не побоялся меня, мужика, в степи остановить, деньги потребовал!

Кайсыма увели... Следователь сидел и долго думал: «А какой мотив мог быть у этого подростка?»

Подпаска взяли в поле, стадо принял другой пастух...

– Ну расскажи, сынок, – по-отечески заговорил с ним следователь, – тебе нет и четырнадцати?

На лице парня не было и кровиночки. Несколько минут он молчал, а потом вдруг вышел из оцепенения и начал рассказывать. Иногда вставлял: «Я не хотел, он сам. Я защищался». Следователь слушал его не перебивая. Он знал, что изольёт человек душу и легче ему станет, что и без наводящих вопросов расскажет всё.

– ...Я оставил стадо и поскакал к вагончику, где мы жили и где тёк родник, чтобы набрать воды, – рассказывал юноша. – Когда был недалеко от вагончика, увидел, как машина отъехала. Я подскакал к вагончику... Дядя Альбек сидел на земле, из носа у него текла кровь. Лицо синее, глаза заплыли, словно его покусали пчёлы. «Ата, за что это тебя и кто?» – спросил я. «Мой зять избил и мои деньги на машину забрал», – ответил он. Я не понял, какой зять, ведь у него была одна дочь, но, услышав про деньги на машину, развернул коня и помчался вслед за машиной. Я знал, что дорога шла зигзагами, что на повороте у оврага наши пути встретятся и я ему скажу по-хорошему: «Нехорошо ты сделал, что деньги забрал». И я его догнал. Это был здоровенный такой мужик. «Что тебе, молодой, надо?» – спросил он. «Ты забрал деньги у моего пастуха!» – «Ну и что?» – «Нехорошо быть вороном и тащить всё, что попадается». Я с ним по-хороше-

му говорил, а он вдруг закричал: «Прочь с дороги, молоко-сос! Буду я тут перед тобой ещё отчитываться!» И он шагнул ко мне. Я едва дёрнул поводом, и лошадь сделала свечку, пошла на него. «Отдай деньги и катись колбасой!» – потребовал я. «Слушай, юноша, – перешёл он на миролюбивый тон, – ты законы шариата знаешь?» – «Знаю, отец и мать говорили кое-что». – «Я купил у него дочь, девушку, а она оказалась... не девочка. У нас договор был...» – «Какую девочку?!» – «Асию!» Как обухом по голове он ударил меня. «Мою Асию продали! – пронеслось в моей голове. – Продал её отец, а говорил, что когда я подрасту, то именно я куплю её у него за небольшой калым...» Я сник, тронул лошадь и проехал мимо него шагом. Мне всё сразу стало безразлично. Я только слышал, как он завёл машину и поехал. А я пустил коня шагом и начал вспоминать...

Ещё десятилетней девочкой Асия приезжала к отцу в степь, и мы вместе на конях пасли стадо. Мне было тогда двенадцать лет. Мы купались в степном пруду, застланном почти ковром ряски... Она стояла у берега в окне воды и говорила: «Смотри, сколько мальков! Смотри, они трогают меня и плывут мне прямо в ладони!» А я смотрел на неё – красивую, весёлую и счастливую. Она была в лифчике матери, такая хрупкая, тонкая. И столько в ней было детской наивности и простоты, что во мне просыпался порой мужчина... Она весело и беспечно скакала на лошади или бегала, догоняя отбившихся от стада коров. Мы целый день были у стада,

гоняли его, подгоняли на водопой и на лёжку возле пруда. Я сделал шалаш: полрогатины врыл, положил наклонно палку и накрыл дерюгой. И так нам было в тени шалаша прохладно и счастливо, что однажды я купил целый кулёк конфет, и мы лежали в этом шалаше, а коровы были на стойле... Я дал ей конфету... «Вкусно», – сказала она. «Дать ещё? Хочешь?» – «Да». – «Слушай, Асия, ты меня любишь?» – «Люблю», – сказала она. «А можешь ты мне это самое... Ну как муж и жена?» Она сразу поняла, что я имел в виду. «А ты дашь мне тогда целый кулёк конфет?» – спросила она. «Да, – обрадовался я, – это будет твой кулёк конфет». «А это больно?» – поинтересовалась она. «Нет, – ответил я, – только чуть-чуть». «А кулёк сразу отдашь?» – «На, бери прямо сейчас!» Она легла... Она жевала конфету, а я пытался в неё попасть... «Ой, что ты врёшь?

Мне было больно немножко», – сказала она, продолжая есть конфеты. Она была ещё дитя, да и я не был мужчиной...

«Мне чуть больно и живот тянет», – пожаловалась она.

«Это пройдёт. Пойдём купаться!» – «А ты кулёк обратно не отберёшь?» – «Нет». Она встала и побежала, я погнался за ней и увидел, что по её ноге текла кровь. Она подбежала к берегу, хотела снять сарафан, но увидела, что трусики под ним нет, и бросилась в воду прямо в сарафане. Сарафан пузырём вздулся на ней. Я тоже кинулся в воду и купался вместе с ней, и был непомерно счастлив. А потом мы погнали коров на пастбище, а вечером – на калду. Её отец остался на

ночь сторожить калду, вагончик и стадо, а мы поехали с ней домой... Утром, когда я проснулся, к нам в гости пришла мать Азии и сразу с места в карьер: «Эх, бессовестный! – и к матери моей, которая стояла с чайником: – Садись, апа, чай сейчас будем пить. Ты знаешь, что сделал твой бессовестный сын?!» «Чего он такого наделал? – с испугом посмотрела на меня мать, а я от страха, наверное, побелел. – Чего он такого сделал?» Мать Азии зашептала ей что-то на ухо». «И только-то, – протянула моя мать. – Ты что, сама маленькой не была? Ты только, апа, мужу не говори, а то он его с работы прогонит». – «Ладно, чего уж, сама виновата, пускала её в степь к отцу. Вот и допускалась». А моя мать полезла в сундук, достала халат и протянула его матери Азии. «Мужу не говори», – ещё раз попросила она. «Я не скажу, – приняла мать Азии халат. – Если он не скажет никому...» – «Он не скажет, а если скажет, его в тюрьму посадят». Слово «тюрьма» вселило в меня страх и заставило закрыть рот на замок...

Жизнь текла дальше... Я учился, и она училась. О том, что первый любовный опыт она приобрела со мной, ни она, ни я даже не вспоминали. Она росла, зацвела... Её отец говорил мне: «Вот, учись, работай, и я выдам за тебя свой цветочек». И я жил надеждой, что скоро она будет моей женой. Но она стала какой-то отдалённой, ударились в учёбу. Когда мы встречались, она говорила: «Хочу стать врачом. И замуж не думаю выходить...» Но я ждал и был уверен, что она будет моей. Я мечтал о ней... Когда я был один, то корил себя:

«Размечтался! А где деньги на калым?» Эти мысли охлаждали мой пыл. Но потом опять приходила окрыляющая мысль: «Но ведь он обещал её мне!»... А теперь продал...

Я вернулся к вагончику... Дядя Альбек сидел на его ступеньках уже умытый. «Я не стал требовать с него деньги», – сказал я. «Почему? – застонал он, поднимаясь со ступеньки. – Он отнял у меня всё: дочь, деньги... Я это так не оставлю! Ишь, попользовался и говорит, что она не девочка. Я ему покажу...» «Она не была девочкой! – вскипел я, чтоб сделать ему больно, как он сделал мне. – Я её сделал женщиной два года назад!» «Так это, значит, ты, паршивец, отнял у меня такие деньги! – закричал отец Асии. – Да я тебе за них!»... Понимаете, он не за дочь, а за деньги хотел убить меня! «Ты же обещал отдать её мне!» – закричал я. «Тебе, нищebroду?! Мою Асию?!» И он кинулся ко мне. Я бегом вокруг калды, он – за мной. Догнал меня, схватил за горло... Я упал и почувствовал запах крови, который шёл от его перевязанной головы. Я начал задыхаться и почувствовал, что смерть моя пришла. Стал шарить рукой вокруг и нащупал камень-лизун, схватил его и с размаху ударил ему по голове... Он застонал, руки его ослабли... Я вывернулся из-под него и отполз в сторону. Видел, как он засучил ногами, разбрасывая кусочки соли-лизунца, а потом затих. Я вскочил и кинулся к коню, поскакал в степь. Хотел побыстрее ускакать от этого страшного места. Целую ночь просидел в овраге... Скотина лежала ночью возле калды, а утром сама пошла на

пастбище... А потом приехали ваши сотрудники... Не знаю почему, но я подумал, что меня сразу заберут, и на душе почему-то стало легко. Но меня не забрали... А потом второй удар: похороны и отца, и дочери. Похоронили мою Асию! Я хотел пойти к вам и сдаться, всё рассказать, как было, но там, на кладбище, один мужчина сказал: «Некому отомстить за девочку!» И я сразу изменил своё решение. Я отомстил.

Юноша замолк.

– Меня теперь посадят? – спросил он через некоторое время.

– Я это не решаю, – ответил следователь. – Но твёрдо держись своей правды.

Мать девушки шла на кладбище, на пригорке невдалеке стояли ёлочки. Она остановилась и остолбенела: ей показалось, что это дочь бежит ей навстречу.

– Доченька моя! – радостно протянула она к ней руки...

Обычное дело

Зима, канун Нового года... Пошёл дождь со снегом... Дорога обледенела... Шофёр Вася Зимин прибыл с рейса и сразу подал председателю колхоза заявление об уходе.

– Прошло три месяца, как ты получил квартиру, отделал её, а теперь вдруг уезжаешь...

– Мама у меня в Краснодарском крае больная! Срочно просит приехать.

Председатель пошёл ему навстречу и даже хотел дать семье Василия машину для перевозки вещей, но тот отказался:

– Я уже позвонил брату, он приедет и заберёт меня.

– А что, брат не может быть с матерью?

– Да у него жена такая!..

– Ну, понятно, – сказал председатель.

Машина за Василием пришла в тот же день. Соседи помогли загрузить его небогатые пожитки: стол, стулья, два дивана, шифоньер и холодильник. Присели на дорожку, попрощались... А через месяц в колхоз нагрянула милиция...

– Машина с таким вот номером ваша? – спросил председателя майор Виктор Николаевич Власов, следователь по особо важным делам из прокуратуры соседнего района.

– Да, машина принадлежит нам.

– А где шофёр?

– На ней сейчас никого нет! Шофёр месяц назад подал заявление о выходе из колхоза и уехал вместе с семьёй.

– Вот у меня показания свидетелей, что седьмого января сего года в селе Балашиха на вашей машине был совершён наезд на женщину с ребёнком.

– Живые они? – поинтересовался председатель. Майор промолчал. – Может, он по нечаянности? Что-то я слышал об этом происшествии...

Председатель нажал кнопку звонка. Вошла секретарша:

– Слушаю вас, Вадим Иванович.

– Принеси мне из отдела кадров дело Зимина Василия Ивановича.

– Хорошо, сейчас принесу.

Пока она искала дело, майор Власов поинтересовался:

– Откуда он прибыл к вам?

– Из Узбекистана... Беженец.

– Жена, дети?

– Да, один ребёнок!

– Жена работала?

– Нет, домохозяйка... Думал, они навсегда к нам прибыли. У нас ведь не село, а перевалочная база. Государство дома построило, всем квартиры нужны, а работать некому. Все хотят быть министрами... В шофера ещё идут, а в трактористы, скотники и на другие рабочие места не больно-то. А он когда приехал, я беседу с ним провёл, спрашивал, почему он уехал из республики. Говорит, война там, узбеки с таджика-

ми воюют, правда, русских пока не трогают, но лучше от греха подальше держаться: мол, после войны в Афгане узбеки стали коситься на нас, у них ведь там родственники.

– А как он насчёт спиртного?

– Не замечал...

– В коллективе прижился? Как работал?

– Вроде бы хорошо... Я не больно наблюдал за ним, принял – и всё. У меня своих дел по горло.

Вошла секретарша и подала папку.

– Чай нам! – попросил председатель.

Власов начал рассматривать дело Василия и что-то записывать. Секретарша принесла чай.

– А не говорил он, куда уезжает? – спросил майор, прихлёбывая чай из стакана.

– Сказал, что в Краснодарский край.

– Зачем так далеко?

– Сказал, что там мать у него живёт, болеет.

«Мать», – записал следователь.

– А водитель, что отвозил его с семьёй, где?

– Да он сам нанял водителя, сказал, что брат его отвезёт.

– Номер машины не запомнили?

– Да я и не глядел, – улыбнулся председатель. – Думаю, соседи, которые помогали ему грузить вещи, должны были запомнить.

– Я проверю. А нельзя ли скопировать дело Зимина?

– Это можно.

Получив копию дела, Власов поехал в Балашиху, где жил уехавший Василий. Подъехал к дому коттеджного типа и простучал в калитку соседа уехавшей семьи. Во дворе злобно залаяла собака, привязанная на цепь. Вышел хозяин – солидный, высокий... Майор Власов представился.

– Вы сосед Василия Зими́на? – спросил следователь.

– Бывший сосед, – уточнил мужик.

– Вы, когда грузили его вещи, не спрашивали, куда он поедет?

– Спрашивал...

– И что он сказал?

– В Краснодарский край.

– Ну а номер машины запомнили, или хотя бы регион какой?

– Машина частная, городская, номер не помню, а вот регион помню...

– Какой? – обрадовался Власов.

– Обыкновенный, московский, сто девяносто семь... Да вы лучше к другому соседу сходите, тот всё знает... А вы, товарищ майор, раз уж заглянули, не поможете моей беде?

– Какой беде?

– Да вот насос с электромотором украли, огород поливать нечем.

– Я вообще-то с другого района, но беде твоей помогу, – улыбнулся Власов. – Цепняка своего на ночь спускаешь?

– Конечно, никто не зайдёт во двор.

– Тогда собака украла...

Лицо мужика изменилось, стало недовольным:

– Смеётесь? Мотор с насосом стоит сейчас знаете сколько...

– Вот поэтому его и украла собака, – серьёзно заключил майор.

На лице мужика сверкнула догадка, а потом появилась злоба.

– Лихо вы дело раскрутили! – воскликнул он и с хрипом, как пёс, зарычал: – Николай!

Из дома вышел похожий на него парень, зевнул так широко, с хрустом, словно хотел в рот целую буханку запихать:

– Чего, бать?

– Ты на какие шиши пиво три дня назад покупал? – отец пошёл к сыну пружинистыми шагами, осматриваясь по сторонам: видимо, искал, что взять в руки. – Я для тебя...

– Батя, не надо! – крикнул сын и побежал вглубь двора. Отец – за ним. Пёс замолк... Видимо, он никак не мог понять, в чём дело, и думал примерно так: «На днях хозяин дал мне пинка, а тут на сына рычит... Уж не бешеный ли он стал?» И пёс полез в свою будку от греха подальше.

Майор отходил от их дома и слышал, как сын орал:

– Не надо, батя! Это сосед! Я кобеля только держал...

Другой сосед Василия как раз выходил из огорода и нёс в мешке что-то шевелящееся. Рядом с его домом стояла машина. Майор представился.

– Пётр Иванович, – ответил сосед.

– Что, на базар спешишь живность продать?

– Да какое там?! Хочу собачонку отвезти, за Волгу еду, чтоб она не вернулась. Хорошая собачонка была, никогда курочек не трогала, – вздохнул Пётр Иванович, мигая глазами, – а в последнее время четырёх слопала. И как в неё только поместилось?

– А что ж ты сразу не хватился, что собака шkodит, допустил съесть четырёх?

– Так это, пуха не было... Не знаю... Я это... – затоптался Пётр Иванович на месте и вдруг воскликнул: – Ах, мать их за ногу, воры! А я и не догадался, что собака не может глотать курочек целиком. Ах ты, мать моя женщина! Вот что значит настоящий сыскарь!

Он вытряхнул из мешка маленькое создание, и собачонка ну прямо с человеческим криком: «Ай-я-яй! Ай-я-яй! Ай-я-яй!» помчалась во двор. Хозяин и следователь засмеялись, глядя ей вслед.

– Точно, это местные архаровцы: воруют кур, обмазывают глиной – и на костёр. Полчаса – и курица готова. Ну я с ними разберусь!.. А вас-то какое дело привело ко мне? – спросил после выброса эмоций Пётр Иванович.

– Когда ваш бывший сосед Зимин уезжал, вы помогали выносить и грузить его вещи?

– А как же! Мы с ним были друзьями навек. Только он вот взял и уехал...

– И куда?

– А чёрт его знает! Я его спросил: «Что, дружан, срываешься с места?» А он: «К маме еду, маме надо помочь».

– А водителем машины кто был?

– Васька сказал, что это брат его. Да какой там брат? У Василия глаза карие, а у того – зелёные.

– Ну хоть что-нибудь ещё запомнил?

– Запомнил...

– Что?

– На кузове «газона», на верхней доске, трещина и доски для увеличения кузова.

– А номер машины?

– Да кто ж его знает?! Знать бы, что такое дело, что милиция будет интересоваться, записал бы. А так регион запомнил, а номер – нет.

– Какой регион?

– Сто девяносто семь.

– Значит, у его брата глаза синие? – переспросил специально следователь, думая, что тот перепутал цвет глаз.

– Нет, зелёные, я хорошо запомнил... А вы не подскажите, раз вы такой прямо Шерлок Холмс, где эти волки позорные могут курятину употреблять?

– Подскажу...

– Где?

– Смотри утром, в каких посадках сидят сороки и вороны, они после людских трапез остатки подбирают.

– Так-так... И лисы могут?

– Могут и лисы, так что следи!

Попрощавшись, майор отчалил на машине восвояси. Приехав в отдел, первым делом записал: «У брата глаза зелёные... «Газон»... Нарощенные борта». Потом достал папку и написал на ней: «Дело Василия Зимина», положил в неё листок с записями, посидел, расслабившись: «Не много нарыл. Но глаза у мужика зелёные... Регион московский... Глухарь настоящий. Ищи ветра в поле. Изменит документы – и всё...»

Проходя мимо паспортного стола, он чуть не споткнулся от неожиданности: на него посмотрела женщина... зелёными глазами. Майор остановился и стал тоже как будто рассматривать образцы заполнения документов на стенде. «Неужели она мать того зеленоглазого шофёра?» – подумал он и подошёл к ней:

– Вы что, гражданочка, паспорт менять?

– Да, потеряла, теперь вот придётся штраф платить...

Майор сначала хотел расспросить её в своём кабинете, но потом передумал:

– Да я просто так, поинтересоваться. Глаза у вас зелёные, как у моей мамы. Не родственница ли вы нам?

– Глаза как глаза. У нас в селе Борецкое у всех глаза зелёные. Но мы с вами явно не родственники.

– А нет ли у вас брата с зелёными глазами?

– У меня нет, я у мамы одна, а вот у тётки моей есть сын,

шофёром работает на «газоне»...

– А номер его машины не помните?

– Да кто ж его знает! Не интересовалась. Поезжай и узнай. А что случилось? Или что набедокурил?

– Да нет.

– Приедешь в село и спросишь, где живёт Семён Жадобин. Жадоба по подворью мы. Каждый укажет.

– Ну спасибо! Если будут какие проблемы, заходите ко мне в кабинет, скажите, что к майору Власову идёте. Я помогу, если что.

– Хорошо, если что – зайду.

Через двадцать минут милицейский «уазик» покотил в село Борецкое. Нашли Семёна сразу. Власов представился. Семён посмотрел его документ:

– А я сначала подумал, что вы из ГАИ, – сказал Семён. – А вам я зачем нужен?

– Вы неделю назад возили вещи одного человека в Краснодарский край?

– Вещи возил, но только не туда.

– А куда?

– Да тут недалеко – в Пензенскую область.

– Адрес можешь сказать?

– Могу. А что случилось? – спросил зеленоглазый Семён.

– Это тайна следствия, – ответил майор и пошёл к машине.

Когда Власов приехал по указанному Семёном адресу, то

застал там старушонку. Прежде чем постучать, он на всякий случай вытащил из кобуры пистолет и засунул его за пояс, прикрыв полый костюма. Всё-таки ощущение вины за гибель двух людей меняет психологию человека. Но его встретила старушка...

– Ой, мил человек, проходите!

Власов вошёл в дом, настороженно осматриваясь. За занавеской прихожей стояла большая кровать. В горнице был двуспальный диван.

– Бабуль, а куда делся мой друг Васька?

– Ой, милый, он три дня как снялся и уехал со своей семьёй к маме.

– А не сказал, где она живёт?

– Сказал: в Москве. Даже оставил записку: мол, если придут из милиции, то передай им это, чтобы они меня не искали, не мучились, а сразу по адресу и нашли.

Следователь взял бумажку, бегло прочитал её и положил в свою папку.

– Бабуль, а не знаешь, кто перевозил его в Москву, как он пишет в бумажке?

– Толик, мой внук.

– А где он сейчас?

– Да вон он идёт, несёт мне хлеб из магазина. Я сама уже не хожу: ноги болят.

Вошёл внук и, увидев чужого человека, встал в дверях:

– Что, бабуль, ещё один постоялец? Не успел одного след

простыть, как другой появился... Вас что, здесь мёдом кормят?

Власов усмехнулся:

– Проходи, садись, поговорить надо.

Внук прошёл в горницу, положил целлофановый мешочек с хлебом на стол у окна, сел на диван, развалился. Майор достал своё удостоверение. Тот сразу подобрался:

– Чем могу помочь?

– Куда отвёз Василия с семьёй?

– На вокзал, на поезд...

– Но у них же были мебель, вещи...

– Да почти всё они оставили у бабушки в сарае.

– Здесь? – удивился майор.

– Чаю не откушаете? – предложила хозяйка. – А то, небось, голодный, день-деньской мотаетесь.

– Спасибо, я сыт, – ответил следователь и обратился к её внуку: – Ну веди к сараю-то!

– А что, командир, может, отведаем?..

– Потом... Веди! – почти приказал майор.

– Бабуля, где у тебя ключи от сарая?

– Так он забрал их с собой!

– Лом есть? – спросил майор, посмотрев на новый замок на двери сарая.

Внук бабки молча притащил топор и обухом сбил замок. Зайдя в сарай, следователь сразу кинулся к шифоньеру. Там висели платья, костюмы, сарафаны... Он всё облазил, но ни-

чего существенного не нашёл, однако в большом кармане кухонного халата лежало письмо, которое было написано, видимо, хозяйке халата. Письмо пришло из Воронежской области. Сердце следователя учащённо забилося: это была удача – там был адрес. Он спрятал письмо в свою папку...

Милицейский «уазик» запылил по грейдеру в отдел... Майор уговорил начальство послать его в Воронежскую область, в село Прибитки, под видом отдыхающего...

Село было большое, поэтому он поехал сразу к участковому. Тот даже не глянул в его удостоверение, но уважение оказал.

– Никакие Зимины тут не живут, – сообщил он.

– А ты не мог бы проверять все письма, приходящие в село? Вдруг какое от Зиминых будет?

– Так это надо разрешение... Меня за это взгреют... А не лучше ли сразу пойти на почту и сказать: мол, так и так?

– Я бы не хотел, чтобы кто-то знал.

– Так-то оно так, но меня ведь за это взгреют. Может, им сказать, что это гостайна?

– Если операцию сорвёшь, с тебя погоны сорвут!

– Да это ясно как божий день...

– А если ясно, вот тебе мои, как говорится, позывные...

Месяц майор Власов ждал звонка из Воронежской области, из села Прибитки. Наконец позвонили: мол, пришло письмо от Гали, жены Василия, пишет, что у них всё хорошо, правда, Вася всегда расстроен... И на письме обратный

адрес... Аж Новгородская область.

...Когда брали Василия, он с удивлением спросил:

– Как же вы меня нашли?

Повадился волк в стадо

Оперативника вызвали в село, где грабанули магазин. Его встретил участковый, и они поехали в магазин. Молодая симпатичная продавщица, показывая вывороченную с мясом накладку на двери и разомкнутый на две части пробой, не переставая возмущалась:

– Как они смогли вытащить пробой? Это какой силой надо обладать?!

– Что украли? – спросил оперативник.

– Сейф с деньгами...

– И сколько там было?

– Пятьсот тысяч.

– Да у тебя весь товар в магазине столько не стоит! – оперативник внимательно посмотрел на продавщицу и многозначительно произнёс: – Раз взяли, значит, знали, что деньги есть и где лежат. А где твой халат?

– Вот он, на мне!

– Сними его!

– Это ещё зачем?

– Заберём его как вещественное доказательство. Кстати, советую тебе поискать деньги в другом месте. Может, ты их не в сейф положила, бывает... С годами люди забывают, куда спрятали деньги. Но ты ещё молодая, так что, думаю, легко вспомнишь. Ясно? Говорю это тебе пока без протокола...

– Так я чё? Он, паразит, нашёл деньги... в халате и забрал сейф.

– А кто прячет деньги в халат?

– Так он лежал скомканный, как тряпка! Кто мог бы подумать, что в тряпке есть деньги? Конечно, никто!

Опер взял халат и пощупал ткань.

– С капроном? – спросил он.

– Что «с капроном»?

– Халат.

– Да какой с капроном! Чистый хлопок! Тряпкой валялся.

– Всё-таки советую тебе найти пропавшие деньги, – опять сказал опер. – Иначе попадёшь под подозрение.

– Да я в жизни ничего чужого не брала! – закричала продавщица.

– А я и не говорю, что ты взяла. Если халат валялся, как ты говоришь, тряпкой, значит, он был грязный и измятый, а он на тебе сейчас чистый и поглаженный. Вор его, что ли, всю ночь выглаживал? Советую тебе ещё раз поискать и найти деньги. Куда ты их сунула? Вспомни!

В это время в магазин зашёл какой-то мужчина, а за ним ещё люди.

– Почему сюда, где идёт оперативная работа, лезут посторонние?! – возмутился опер.

– Это Устин Акимович и ещё местные жители, – объяснила продавщица. – Пришли купить продукты...

– Объясни им, что продаваться ничего не будет, пока я

здесь. Кстати, Терентий Иванович, – обратился опер к участковому, – поинтересуйся, не видели ли они что-нибудь такого, что нас интересует? Не сейчас, потом. . .

А сейчас помоги мне обследовать пробой и накладку. Почему не открыт замок?

– Я не велел открывать его продавщице.

Опер осмотрел притолоку, пробой и сказал:

– Смотри, он же ершистый и был пробит насквозь, и загнуты концы в разные стороны.

– Что тут умного? Взял лом, засунул под накладку, потянул и вырвал.

– Да нет, если бы вор пользовался ломом как рычагом, была бы вмятина на двери или притолоке. А её нету.

– Может, группа была? Уцепили ломami с двух сторон и потянули.

– Может. . . – опер вытащил пробой с замком из накладки двери. – Видишь, на ней насечка! Опытный кузнец делал – в дерево войдёт, а назад зазубрины не дадут выйти. А, чёрт, колется!

– Смотри, а конец-то в красной краске, – удивился участковый. – А дверь-то зелёная!

– Не трогай! – предупредил опер и надел перчатки. – Опаньки! Это кровь! Видно, что не профессионал вскрывал, кровь свою оставил. Может, по нечаянности цапнул. Тут должны быть и отпечатки.

Опер положил вещественные доказательства в целлофа-

новый пакет и долго осматривал решётки на окнах, ходил вокруг магазина, споткнулся о камень, оказавшийся на его дороге.

– Давай, уважаемый, пройдемся по селу, – предложил он участковому. – Может, кто чего видел. Может, машины какие приезжали, сейф взяли и увезли. Сейф хоть и маленький, но всё-таки тяжёлый, на себе далеко не унесёшь.

Редкие прохожие при встрече с ними приветливо здоровались, но, судя по их ответам, они ничего не видели и не слышали. Правда, один сказал, что слышал, как гудел трактор.

– Это Васька рыжий солому привёз домой поздно вечером, – сказал участковый. – Пошли к нему!

Симпатичный мужчина встретил их настороженно, на вопрос: «Видел кого-нибудь около магазина этой ночью?», ответил просто:

– Когда мне было смотреть? Навильником работал. Намахаля за день, все косточки ломит. Привёз, свалил тележку – и спать.

– А когда ехал, какие-нибудь машины навстречу шли, не замечал?

– Да ехала одна... Гад, дальний свет не переключил, ослепил аж!

– А номер не заметил?

– Какой заметил?! Цвет «Жигулей» красный да лампочки не желтоватого цвета, а синего – галогенового. Таких у нас

в селе ни у кого нет.

Больше Васька ничего не видел и не слышал. Когда ушли от него, опер заметил:

– Какой-то он, Терентий Иванович, напряжённый.

– Недоволен, что мы к нему пришли. А кто будет довольный, если такое на селе случилось? Да ещё у него нелады в семье.

– Что такое?

– Да кружанил он тут с одной – старая любовь не ржавеет. Он, значит, к ней похаживал, а его жёнушке добрые, так сказать, люди и доложили. Дело дошло почти до развода. Не знаю, как он там склеил свои отношения заново.

Видимо, любит его жена, простила. Он ведь симпатичный, тихий, смирный, пьёт только в праздники...

– А он что, ходок? Почему его зовут Окрашенный? Он что, волосы красит? – спросил опер.

– Рыжий он! – засмеялся участковый.

– Вот что, поеду сейчас к себе в управление, а ты всё-таки держи село на примете, особенно магазин. В кустах посиди ночь-две. Как говорится, повадился волк в стадо и будет ходить, пока всех овец не перетаскает.

– Хорошо, буду иметь в виду.

– Да скажи продавщице, чтоб деньги она нашла, которые в халате были.

– Потребую – найдёт! Куда она денется?!

...Пробой с кровью сразу отправили на анализ, машину

стали искать через ГАИ, чтоб они пробили по своей карто- теке. Через некоторое время пришёл ответ, что таких машин в городе сотни, искать нереально. Правда, галогеновые фары есть у немногих любителей. Профессионалы-водители, как правило, избегают от такого света, потому что он ослеп- ляет. ГАИ задержала всё-таки трёх водителей, у которых бы- ли такие фары на машинах. Двух сразу отсеяли, а один был тщательно допрошен, так как действительно ездил в это село на рыбалку. Следователь вёл допрос, а сам посматривал на его руки, потом взял его руки в свои и стал крутить туда-сю- да. Это было очень необычно для допрашиваемого. Осмот- рели и машину, но ничего подозрительного не нашли.

Водитель провёл ночь в КПЗ. Утром его пришлось отпу- стить, потому что группа крови, обнаруженная на пробое, не совпала с его группой. Уходя, он сказал:

– Со мною был местный рыбак, и что характерно – у него палец был завёрнут в тряпочку, через которую проступала кровь.

Следователь сразу позвонил участковому:

– Найди местного рыбака с ранением пальца и срочно доставь его в оперативный отдел. Надеюсь, ты знаешь всех местных рыбаков.

Вскоре участковый привёз рыбака с завязанным пальцем, его звали Жорж Егорович.

– Да, был на рыбалке, сняли с сетей рыбу. Я продал её и пьяный ходил у магазина – ждал продавщицу, – рассказал

он. – Ну да, подходил к двери, возможно, держался за пробой и накладку, но вот вытаскивать его – не вытаскивал. Почему палец перевязанный? Так накануне чинил забор и ударил молотком по пальцу... Как я мог вырвать одной рукой пробой? Вот смотри, даже ноготь почернел.

Следователь сомневался, что магазин ограбил именно этот человек, но группа его крови совпала с кровью на пробое, и его арестовали. Продержали в камере три дня. На третий день пришла его жена и заявила:

– Мой муженёк не виноват. Я знаю, кто украл сейф.

Следователь чуть не подпрыгнул на стуле, услышав такое. Ведь уже поговаривали в народе, что появилась неуловимая банда, везде усилили наряды патруля, негласно наблюдали за всеми сберкассами, почтой, банками. Начальство обещало звёздочки на погоны тому, кто раскроет преступление. «Такое везение!» – подумал следователь и прямо-таки взвизгнул:

– Кто?!

– Да Васька рыжий! – ответила женщина.

– Когда и где ты его видела?

– Искала своего непутёвого: он, дурак, пьяный ушёл на рыбалку, думала, уж не утонул бы. Прохожу мимо магазина и слышу: кто-то внутри шебуршит, я в кусты сирени и спряталась. А тут дверь скрип – из неё человек выходит и на пузе сейф несёт. И этак спиной ко мне пятится, повернулся и пошёл от магазина.

– И ты его угадала?

– А чего его угадывать – Васька рыжий!

– И ты за ним пошла?

– Боже упаси! Он зашёл за угол магазина, и раздался грохот, как из ружья стрельнули. Я выскочила из кустов и бежать!

– Значит, утверждаешь, что это был Васька рыжий.

– Он, а фамилия его Матрёнин.

– И что, он был с ружьём?

– Что стрелял – это точно. Грохот был такой, что меня от страха точно ветром подхватило, во весь дух домой помчалась. Думаю: не пойду больше своего искать, пусть тонет.

...Поехал спецназ брать Ваську рыжего, а по паспорту – Василия Натановича Матрёнина. Взяли его на поле, сняли прямо с трактора и увезли в отдел. По горячим следам обыскали дом, двор, сарай, разметали омет с соломой... Ничего не нашли. В отделе сразу ему допрос учинили под протокол. Василий встал как кошка на дыбошки:

– За что задержали?!

– А ты что, не понял, за что тебя аж спецназ брал? Обыкновенных преступников мы берём сами. А ты необыкновенный! Свидетеля хотел грохнуть.

– Я? Свидетеля? Да у меня и ружья-то нет!

– А кто говорит, что ружьё у тебя было? – усмехнулся следователь. – Мы говорим об обрезе. Куда ты его дел? А ну-ка покажи ручки! Посмотрим, нет ли следов ожогов от пороха.

Василий покрутил руками перед следователем и чуть не рассмеялся: такая у того была глупая рожа.

– Что с вами? – спросил Василий.

– А ну-ка покажи ещё раз руки! – словно очнувшись, попросил следователь.

Василий ещё раз покрутил руками. Вздох облегчения вырвался у следователя. Он искал на руках рану, а её не было...

– Короче, куда ты дел обрез? И сейф куда дел? – спросил он.

– Не знаю я никакого обреза! Что вы мне приписываете?!

Следователь записал все слова Василия, позвал конвойного и велел отвести его в отдельную камеру. А следователь пошёл к начальнику.

– На руках у Василия ни царапинки, – доложил он. – Надо осмотреть его полностью. Вдруг чем другим задел?

– Кто будет смотреть?

– У моего сотрудника глаза – как лупы, да и у меня тоже. Бывало, упадём с милой на луговую траву, а я вижу, где муравей ползёт и куда комарик сел. Значит, это, чтоб её за зад не кусал...

– Да иди ты! – прервал его начальник и поморщился от такой подробности. – Комар не кусает, жалит только. Иди!..

Следователь вновь вызвал свидетельницу и сразу же начал орать на неё:

– Почему наврала? Мужа своего выгораживала? Честного человека хотела посадить? А у твоего мужа и палец пора-

ненный, и группа крови сходится! Он и есть вор! На десять лет пойдёт без права переписки!

– Клянусь вам, что я не вру! Васька это был, точно! А мой не может красть. Он тихий, только и знает, что пить да рыбачить.

– Ага, рыбачил в магазине ночью!

– Да если бы это был он, неужели бы я его не узнала? И стрелять у него не из чего, сроду ружья не имел.

– Ружьё, ружьё... Кстати, у кого у вас в деревне есть ружья?

Женщина начала перечислять. В это время позвонил участковый из села и сказал, что везёт в отдел милиции одного человека.

– Пьяный он, – уточнил участковый, – и грозился, что убьёт жену. Пришлось скрутить...

На допросе пьяный мужик только плакал и твердил:

– Двадцать лет с ней жили душа в душу, а тут на гулянке изменила! На большой её потянуло. Сидела рядом с другим мужиком и пощупала у него. Я увидел краем глаза, но сдержался. Надо было сразу отмашку сделать! А я, дурачок, следить за ней стал. Он в коридор вышел, и она за ним. А там темнота. Я бы спьяну не нашёл их, но она ойкнула. Тут кто-то мне по кумполу дал, я и свалился. Кто потом через меня прыгал, не помню. Помню только, что они в дверном проёме засветились. Я кряхтел-кряхтел, еле поднялся и пошёл домой. Вскоре и она пришла. Я ей с матом: «Ну что, понрави-

лось? Двадцать лет душа в душу! Застрелю!» А она в слёзы: «С чего ты взял?!» – «Я видел, как ты у него щупала». – «Не щупала, а полюбопытствовала...»

– А ружьё твоё где?

– Дома в сейфе.

– А ключ где?

– В банке на кухне лежит...

Сотрудник выехал в село, пришёл к нему домой. Жена мужика заплаканная сидит, достала она ключ из банки и открыла сейф. Ружьё было разобрано... Сотрудник понюхал ствол и сказал:

– Вчера стреляли из него. Где был ваш муж вчера ночью?

– На зорьке ездил на рыбалку... Утром карпа принёс и голавля. Карпа со сметаной пожарила, и мы съели его. А голавль вон потрошённый лежит в холодильнике.

Сотрудник посмотрел в холодильник. Там действительно лежал голавль, он был убит двумя картечинами: одна попала в голову, другая в спину.

Ружьё было изъято, хотя жена предъявила разрешение на него и охотничий билет. Мужа её всё равно арестовали, а Василия выпустили. Через некоторое время и шумного мужика выпустили, только пригрозили, что если он хоть каплю выпьет, сядет на полную катушку. А женщина-свидетельница призналась, что дала ложные показания на Василия из злости. За это ей, кстати, полагалось до двух лет тюрьмы. Постановили: судья решит их судьбу.

По селу только и разговоров было, что попалась вся семья – муж и жена.

– Ну, он мужик, – судачили люди, – а она-то женщина, да ещё беременная. Может, пожалеют и дадут отсрочку?

Два дня в селе было затишье, потом как гром среди ясного неба – Ваську рыжего вновь взяли! Сдала его бабка Дуня, соседка его.

Сперва она пошла к Василию и стала уговаривать его сдаться.

– Если сознаешься, – говорила она, – тебе скостят. Посидишь годок, а там на химию. И ты на свободе! А внучку в обиду не дам!

– Ты что, бабка Дуня, с ума, что ли, сошла?! – закричал Васька. – Что вы все на меня бочку катите? Менты меня оправдали вчистую. Я, что ли, за твоего непутёвого зятя и внучку сидеть буду?

– Не пойдёшь, я сама поеду и расскажу, где ты сейф зарыл!

– Да ты что, бабка Дуня?! Где, какой сейф?!

– Езжай в милицию!

– Ага, я поеду, а ты сейф перепрячешь! – пошутил Васька.

– Я внука сейчас пошлю, пусть он вызовет милицию.

«Да хоть двадцать ментов вызывай! – лихорадочно думал Васька. – Скажу, что не брал я сейф, не воровал – и всё! Наговоры – и всё! Пусть едет!»

– Ни стыда и ни совести у тебя нет, – заключила бабка.

Она сама пошла к участковому и сказала ему, кто обокрал

магазин. Участковый вскочил со стула и всплеснул руками:

– Да не может этого быть! Его же проверяли!

– Он это сделал, я сама видела! А сейф он за огородами зарыл.

– Он и сейчас там?

– Не знаю, наверное...

Участковый тут же позвонил в городскую милицию:

– Радость у меня, раскрыл я преступление. На одну сельчанку нажал, она всё и рассказала. Давайте оперов сюда!.. Ты, бабка, на меня не обижайся, – сказал он, положив трубку. – Дело такое, что мне звёздочка светит. В случае чего говори, что ты пошла проверять, на месте ли сейф, а я следил. Мол, я немного на тебя пошумел, и ты в сознанку пошла.

– Ладно, – согласилась бабка Дуня. – Если бы не беременная внучка, я бы промолчала...

Приехали оперативники. Двое пошли за Василием, а двое – к яме, где, по словам бабки, был зарыт сейф. Подошли, а там только свежая земля – сейфа не было.

– Где сейф? – спросили у Васьки, которого привезли его к яме. – Вырыл? Куда дел?

– Да показалось старому человеку, – ответил Васька. – Червей копал я здесь, а ей почудилось...

– Ты сам-то видел сейф? – обратились опера к участковому.

– Я не видел. Вот бабка Дуня...

– Ты у меня не только звёздочку не получишь, но свою

одну потеряешь! – зашумел на него приехавший в село ради такого дела начальник. В это время один из оперов закричал:

– Нашёл! Здесь он! Вон туда он бросил, в болото! Тут мелко и вода прозрачная.

– Ну, а сейчас что скажешь? – обратился начальник к Ваське.

– Не я это! Может, её сын или внук это сделал, а она на меня валит. Вы же меня проверяли!

– Видно, плохо проверяли. Забрать его! И бабушку тоже повезём, пусть она нам подробно расскажет, как всё было... Вы не волнуйтесь, бабуля, вас привезут назад.

Пока они ехали в город, им позвонили и сказали, что женщина – бабушкина внучка, попала в больницу. У неё чуть не случился выкидыш.

Бабка рассказала на допросе:

– Привёз Васька солому, разгрузил, потом съездил куда-то на тракторе, приехал, а через час ушёл. Минут через пятнадцать вернулся, а на животе нёс какой-то коробок, занёс его домой. Рано утром вышел с ним и пошёл за огороды. Я и не подумала сразу, что это сейф, коробок – он и есть коробок.

– А ружьё у него было? – спросил следователь.

– Не видала. Если б было, он меня убил бы.

Бабушку отвезли домой, как обещали, а на Василия навалились два следователя: неделю его допрашивали по очереди по 12 часов, одно и то же спрашивали. Василий всё отрицал, пьянел от недостатка сна и плохой еды...

– Врёт старуха, – упрямо говорил он, – выгораживает родственников. Сейф сама подбросила, чтоб меня посадить.

Напрасно следователи говорили ему, что продавщица созналась, что в сейфе было только полторы тысячи, что в магазине сделали переучёт, что её сняли с работы за то, что хотела навесить на вора большую сумму. Они уговаривали его:

– Если ты сознаешься, тебя мало дадут.

– Нет, я этого не делал! – отвечал Васька. – Вы ж сами говорили, что была кровь на пробое, значит, у меня должна быть рана, а её нет.

Тут на Васькину беду пришёл в милицию дедок, бывший следователь, ему рассказали о краже сейфа. Он, глотая чай в кабинете начальника, заметил:

– Был у меня один случай... Раз попался один ворюга, специально кровь оставил на замке: дескать, рана у вора. Ну взяли его... И что же вы думаете? Вроде да, кровь, а раны у него нет. А группа крови сходится. Допрашивали его много часов. А у него сосуды в носопырке слабые оказались, и кровь из носа пошла...

– И что?

– Что, сознался он, что специально кровь пролил. Так что надо тщательнее осмотр тела подозреваемого провести, каждый сантиметр обследовать.

Сидящий с ним за столом у начальника опер пошёл к следователю и рассказал об этом случае. Тут же Василия увели в камеру и ещё раз осмотрели. Минут через пятнадцать си-

яющий опер пришёл к начальнику и доложил:

– Нашли! Между пальцами ранка была.

– Всем по выговору! – закричал начальник и стал красным, как рак варёный. – Куда смотрели?!

А Василию ничего не оставалось делать, как всё рассказать:

– В общем, вытащил я пробой с помощью монтажки: подложил под неё чурочку и вытащил...

– А кровь почему не стёр? Почему пробой с собой не взял?

– Некогда было, боялся, что кто-то увидит, хоть и темно было.

– А ружьё куда дел?

– Какое ружьё?

– Из которого стрелял.

– Да это со страху старухе показалось, что я стрелял, просто я сейф о край дома ударил, чтоб он раскрылся... Думал, там куча денег, а там...

...Суд был показательный – в селе, в клубе. Продавщица кричала, наверное, больше всех:

– Сядешь за мои деньги! Хочу, чтоб ты надолго сел! У меня там деньги были, вырученные за неделю, да ещё сто тысяч были запрятаны в кармане старого халата. Как он, паразит, только и нашёл их! Как будто знал, где они лежат!.. Вот посиди теперь!

– За ваши деньги – любой каприз! – пошутил Василий.

Наверное, никогда ещё на суде не было столько улыбок...

Неудачное приобретение

Виктор был на седьмом небе от счастья, чуть ли не порхал по воздуху.

– Мы квартиру скоро получим! – сказал он жене, которая возилась у плиты – щи варила.

Она так и села от неожиданности.

– Как?! – воскликнула жена своими полными, надутыми, как шины, губами и захлопала глазами, обнажив зубы, похожие на кукурузные зёрна.

– Очень просто, – ответил Виктор. – Сколько у нас накоплено? Три тысячи! Так сказать, парашютом к нам заброшено. Так вот, ко мне сегодня подошёл один человек, Аким, я его знаю давно, и сказал: «Я вижу, ты человек порядочный, работающий, при игре в домино только и говоришь, что копишь на однушку, а потом подашь заявление на расширение. Я тебе честно скажу: пока ты будешь копить, цены на квартиры подымутся. И ты никогда не купишь её. Какой ты на очереди в райисполкоме? Двухсотый? Вот и подсчитай, через сколько лет ты получишь её. А я близкий родственник одного товарища из райисполкома, он мой дядя. Я тебе помогу. Надо только дать дяде взятку, и через три месяца квартира будет».

– А может, он врёт? – усомнилась жена.

– Вот и я так подумал! Чего не хватает его дяде? Зарплата большая, госмашина под задом, должность не пыльная. Го-

ворю ему: «А почему тебя дядя не пригреет возле себя? Околочиваешься здесь мастером на сборке. – Виктор перешёл на шёпот: – А Аким мне так доверительно и говорит: «Он от того и не приближает меня к себе, что я по жизни шустрил». Он мне и паспорт свой показал, смотри, мол, вот и фамилия у нас одинаковая – Оболенский, он Петрович, и я Петрович. Мол, и отец его был Пётр Петрович...»

– А может, Витя, не надо? – жалобно сказала жена. – Хотя начальство всё может. Вон подружка мне рассказывала, что один ворюга залез к родственнику секретаря райкома, а тот его – молоточком по голове и вызвал милицию. Не знал, бедолага, видно, куда лез, а то бы жил да жил. Ну, родственника секретаря арестовали: мол, превысил меру защиты, но не стали сразу сажать его, всё-таки родственник вон какого человека, начальник милиции подчинялся ему. Они уж его таскали-таскали на следствие, спрашивали: почему да как, почему не скрутил? Он им: мол, как я такого бугая скручу, он меня сам мог скрутить. Таскали и дотаскались. На заседании райкома первый секретарь заявил, что в милиции мордуют людей, и рассказал всю историю своего родственника: мол, он защищал себя, своих детей, жену и имущество. «Я думаю, надо вынести решение, что он невиновен, – сказал секретарь. – И поставить начальнику милиции на вид, что его следователи превышают служебные полномочия. Дело прекратить и отпустить человека». Отпустили его... Вот видишь, что начальство может? Да оно и соврёт – недорого возьмёт.

– Может, твоя подруга тоже соврала?

– Ну, соврала не соврала, а мы с тобой спешить не будем...

Я к Акиму завтра подкачу. Пусть он хоть одного человека покажет или назовёт, кому он помог получить квартиру вне очереди.

– Вот-вот, – встрепенулась жена, – сделай так, узнай! – и она повеселела.

На другой день, отведя в сторону Акима, Виктор сказал ему:

– Аким Петрович, ты мне хоть одного человека покажи, кому ты помог квартиру получить. Я тебе доверяю, но вот моя жена, извини, не очень. Деньги-то большие!

– Да хоть двух! – ответил Аким и просветлел лицом.

– Не надо двух, одного... Сам знаешь, дело залётное...

Если слухи, то да сё, а там милиция...

– Ну хорошо, завтра будет тебе этот человек представлен, как огурчик в салате.

На другой день Виктор увидел, как возле Акима трётся какой-то мужик. Он подошёл к ним.

– Вот видишь, Фома неверующий! Покажи ему ордер, – обратился Аким к мужику.

– А что ему показывать? Достаточно того, что я его вижу, – ответил Виктор.

– Нет, ты ему покажи ордер, душу его успокой, – настаивал Аким.

Мужик достал из бокового кармана ордер и, держа его в

своих руках, попросил прочитать фамилию.

– Озеров Захар Иванович, – вслух прочитал Виктор. – Я прочитал и забыл. Это он вам помог? – спросил он и показал на Акима.

– Век молиться на него буду! – ответил мужик. – Дай я поцелую твою ручку, батюшка, святой ты человек. – И он чмокнул руку Акима и даже всплакнул, положив голову ему на плечо. – Ну пойду я, а ты, Аким, лучше другого человека найди для помощи. Много нас таких неприкаянных без квартир на грешной земле.

Эти слова сразили Виктора, он даже закрыл глаза и представил, что на ордере будет написано: Шалаев Виктор Иванович. «А как будет рада жена! – думал он. – До потолка будет прыгать, а может, и всплакнёт от радости».

Домой он не шёл, а летел как на крыльях, за ужином с восторгом говорил:

– Человек, которого он мне показал, так благодарен Акиму, руку ему поцеловал, сказал, что очень обязан ему, и ордер мне показал. А как же! Представил мне его живёхонького и здоровенького. Этот мужик даже помолился на Акима как на икону.

– Он что, архиерей? – срезала его восторг жена.

– Да какой там?! – преувеличил Виктор. – Он чуть белугой не разревелся у Акима на плече от избытка чувств!

– Ну что ж... – вынесла свой вердикт жена.

А утром, отдавая мужу деньги, говорила:

– Не будь простофилей! Возьми с него расписку!

– Да вроде неудобно, человек для нас доброе дело делает, а я с распиской к нему...

– Ну как хочешь!

...При передаче денег Аким сам сказал Виктору:

– Хочешь, я тебе расписку дам?

– Ну что ты! Я тебе доверяю, – ответил Виктор, а сам подумал: «Возьму всё-таки расписку. Это как в долг дал. В случае чего буду нажимать на него: мол, квартиру побыстрее сделай. Мол, взял деньги, обещал квартиру, сделай!»

И Виктор отдал деньги Аким, а расписку не взял.

– Месяца через два квартира у тебя будет, – пообещал Аким и протянул руку для прощания. Виктор радостно пожал её.

...Прошло два месяца.

Виктор стал часто спрашивать:

– Аким, где квартира? Ты же обещал!

– Понимаешь, – отводил глаза в сторону Аким, – замедлились сейчас сроки сдачи домов, и на райисполком квартир меньше дают. Но ты не беспокойся, будет тебе квартира.

– Когда?

– Через полгода гарантирую, – глядя в глаза Виктору, не моргнув, ответил Аким.

Дома жена пилила Виктора со слезами на глазах:

– Ну что, такие деньги отдал!

– Он обещал через полгода, не волнуйся.

Ночью жена дулась, отворачивалась от него, Виктор переживал... Он стал доставать Акима своими вопросами ещё сильнее, а тот вдруг однажды огорошил, что на его родственника милиция завела дело:

– Так что давай забудем про деньги. А если сообщишь куда следует, групповуху нам пришьют – и тебе, и мне. Влепят так – мама не горюй!

Виктор сник...

– Говорила тебе! – шумела жена. – А ты – «честняга он, честняга»! Теперь как хочешь, а деньги у него возьми!

– Как взять? Заявить? Он-то выкрутится, у него денег куры не клюют, а я загремлю под фанфары!

Как-то Виктор набрался решимости и заявил Акиму:

– Как хочешь, а деньги отдай! А если не отдашь, я сам пойду в милицию. Бог не выдаст – свинья не съест!

– Ладно, – ответил Аким, – не нажимай! Я сделаю всё возможное и невозможное. Думаю, в течение месяца верну.

Дома Виктор успокоил жену:

– Обещал в течение месяца вернуть. Я его припугнул, что в милицию пойду. Он и согласился.

– Ой, Витя, а если тебя посадят? Тут надо что-то придумать.

– Я подумаю.

Однажды вечером, когда уже смеркалось, Виктор шёл домой после работы и встретил двух парней... Тропинка узкая, он прижался к забору... Когда они проходили мимо него, по-

следний остановился и со всего размаху так врезал Виктору в глаз, что искры засверкали. Он автоматически тоже ударил напавшего на него парня. Тот упал на спину, взмахнув руками, словно говоря: «Да не может этого быть!»

Виктор прищурился от боли в глазу, но тут же схватил кирпич, который валялся у него под ногами... Второй парень кинулся к нему, но, увидев кирпич в руке Виктора, затормозил и оглянулся на своего приятеля. Тот пытался встать с земли. У него были окровавлены губы, сквозь которые виднелись зубы цвета зёрен спелого граната. Приятель кинулся его поднимать...

– Ты чё, мужик? Мы же пошутили! – сказал он Виктору.

Они повернулись и пошли от Виктора. Один говорил другому:

– Ну и удар у него! Не слабак! Думал, что с одного удара свалю его, а потом в плясовую. А вон как получилось! А ты чего не кинулся?

– Да у него в руках кирпич оказался. Малый не промах! С одного удара завалил тебя. Что скажем Акиму?

Весь этот разговор слышал Виктор, который шёл за ними, бесшумно ступая ногами по траве.

– Скажем, отметилили его как надо и попугали. Глаз-то у него как фонарь теперь сверкать будет...

«Так это Аким их подослал! – поразился Виктор. – Ну я поговорю с тобой!» Но о чём говорить, он не знал.

– Что с тобой?! – всплеснула руками жена, увидев Викто-

ра.

– Да к рычагу трактора в кабине приложился и прямо глазом.

– Ты мне не ври!

– Да я не вру!

Виктор решил утаить от неё правду. Но жену обмануть не удалось.

– Понятно! – скала жена и подала ему мокрое полотенце, чтобы он приложил к глазу.

На другой день жена побежала в магазин и купила ему тёмные очки. Надев их, Виктор вышел на улицу и пошёл на работу, стараясь ни с кем не встречаться, в том числе с Акимом. «Гад Аким! – думал Виктор. – А ведь могли и убить! Что теперь делать? Как вернуть деньги?»

Жена оказалась умнее, чем Виктор всегда думал.

– Раз Аким хотел убить тебя... – как-то неожиданно сказала она.

– Чего? – прервал её Виктор. – У него и в мыслях не было.

– Не ври! Я не глупая!.. Так вот, твой двоюродный брат пришёл из тюрьмы, отсидел за кражу козы два года. А ты скажи Акиму, что он отсидел за убийство, и если он не отдаст деньги, то ему будет каюк.

– Думаешь, он испугается?

– Думаю, да... Скажешь?

– Ладно, скажу.

На другой день Виктор подошёл к Акиму:

– Короче, если не отдашь деньги, я брату своему всё расскажу. Будь уверен, лежать тебе в больнице на койке.

– Не грози! – ответил Аким.

– Я не грожу! Это просто информация, чтоб ты знал. Принести тебе справку об его освобождении? Ему человека убить – раз плюнуть!

Аким стоял, широко расставив ноги, и, набычившись, смотрел ему в след. «А ведь может и грохнуть, – думал он. – Собака, загнанная в угол, опаснее всех...»

Дома Виктор сказал жене:

– Напугал я Акима, чуть в штаны не наложил.

– Дай-то Бог, – вздохнула она.

На другой день Виктор пошёл к брату Ваське. Тот встретил его удивлённым взглядом, стоя в дверях дома:

– Братан! Каким ветром?

– Да шёл мимо, бутылец прихватил в магазине. Один пить не люблю, дай, думаю, зайду. Много лет не виделись.

– Так уж и много! Всего-то три Пасхи и три Рождества, – сострил Васька, пропуская Виктора в дом.

На столе появились стаканы, сало, лук, картошка. Водка забулькала в стаканы...

Виктор начал издалека:

– Расскажи, как там, в тюрьге?

– Наливай ещё!

Виктор налил по половине стакана – продлил удовольствие. Выпили... Васька рванул зубами сало и с набитым

ртом стал рассказывать:

– Там, брат, свои законы. Меня в предвариловке научили: «Когда зайдёшь в камеру, тебя спросят: «Кто ты по жизни?» Ты ответишь: «Мужик». А если они борзеть будут, бросят тебе под ноги полотенце, не поднимай, вытри ноги и иди. А если испытание будут делать, мол, с завязанными глазами унюхай, чем пахнет, глаза тебе завяжут, а какой-нибудь засранец штаны снимет и станет к тебе задом, ты на этот случай возьми булавку и незаметно в рот её сунь. Когда он задом коснётся твоего носа, ты булавкой его уколи, тогда будешь не ты осмеян, а он».

– И ты что, сделал так?

– Да они и без булавки определили, что я мужик. Я ещё за версту был от лагеря, а на меня уже пришла к ним малява. Ну, скажу тебе, брат, зоне, как говорится, только чёрт рад. Шаг вправо, шаг влево, прыжок вверх – считается побегом. Стреляют без предупреждения, – Василий запьянел. – Маловато ты принёс, – сказал он.

– Почему маловато? – спросил его Виктор. – Я мужик запасливый, никогда на одной не останавливаюсь.

Налил он Ваське из второй бутылки полный гранёный стакан, и у того сразу засверкали глаза, по внешним сторонам глаз вышла бель. Увидев это, Виктор подумал: «Готов!» Вскоре у Василия стал заплетаться язык, он уронил голову на стол, сверкая лысиной, как еврей своим чепчиком, и уснул. Виктор кинулся к его пиджаку, висевшему на стуле, нашу-

пал во внутреннем кармане бумажку, достал её, развернул и вздохнул облегчённо. Это была справка об освобождении. Оставив недопитую бутылку, ушёл.

– Ну как? – спросила его дома жена. – Взял справку? Дай посмотреть. – Она прочитала и поморщилась: – Ты только в руки этому анчутке не давай, просто покажи и скажи: «За два убийства отсидел». Да пригрозь, что если не отдаст все деньги, он его размажет.

Виктор с утра пошёл к Акиму и сразу ему в лоб:

– Ну, Аким, осталось тебе жить неделя. Я сказал своему братану о твоём долге, а он знаешь, что сказал? «Двадцать процентов ему накинем, это за просроченный срок. А не отдаст, я из него выбью!» Вот, даже свою ксиву дал, чтоб ты удостоверился. – Виктор вынул из кармана справку Василия об освобождении и сунул Акиму под нос. – Видишь?

– Через три дня получишь ты свои деньги, – насупился Аким.

Виктор стал ждать...

На другой день утром он взял две бутылки пива и пошёл к Ваське. Тот встретил его в дверях и сморщился:

– Сгубил ты мне жизнь! Как железным обручем стягивает голову.

– А мы его сейчас разорвём! – весело сказал Василий и вытащил бутылки из карманов.

Васька прямо в дверях вылил одну бутылку в себя и протянул с наслаждением: «А-а-а-ах!»

Войдя в дом, они сели за стол друг против друга.

– Ну что, налить тебе ещё? – спросил Виктор.

– Разливай! Спас ты меня, голове легче стало. А ты чего не пьёшь?

– Да мне на работу надо...

– Счастливый ты! На работу идёшь, – сострил Васька. – А тут вот похмеляться надо...

Виктор незаметно вынул из кармана справку Василия и бросил её под стол.

– Слушай, – сказал в это время Васька, – я сегодня утром должен был идти в милицию отмечаться, кинулся, а справки моей нет нигде.

– Так это я взял её у тебя, – сказал Виктор.

– Зачем?

– Да хотел по ней твои деньги в банке снять.

– Ну ты юморист! – засмеялся Васька. – Ладно, найду, куда она, кроме дома, денется?.. Кстати, как надумаешь выпить, приходи. Раз один не пьёшь, я тебе с удовольствием компанию составлю. Особенно если литр возьмёшь. Я мужик компанейский!

– Ладно, – успокоил его Виктор.

...А справка, как ни странно, возымела действие на Акима. Через три дня Виктор принёс деньги домой и выложил перед женой на стол:

– Вот они, денежки! Вернул анчутка! Вот они, птицы счастья! – И стал подбрасывать их вверх.

Жена, ловя их на лету, кричала:

– Витька, счастье-то какое! На всю ночь я твоя!

Чёрный пистолет

В дачном доме было шумно, он светил огнями – праздновали день рождения сына хозяина дачи. Антон Кузьмич держал на руках виновника торжества, которому исполнилось шесть лет. Все были веселы, особенно мальчик, потому что отец подарил ему игрушечный автомат, трёхколёсный велосипед, лошадку на колёсиках и маленький пистолет, у которого была даже кобура. Такой же пистолет, только для взрослых, был у отца, ему его подарили. Этот пистолет отец-полковник никогда не давал в руки сыну. Когда он сидел за столом и чистил его, сын притрагивался к пистолету, но отец тут же отбирал его.

– Это не игрушка, – говорил отец.

– Да дай ты ему подержать, – просила мать. – Мужчина растёт!

– Это не игрушка, – повторял отец. – Дурное оружие, само возводится. – И прятал его от сына.

Теперь у сына появился свой пистолет, как настоящий, даже курок щёлкает.

А перед днём рождения, пока накрывался стол, в беседке разговаривали старые друзья – хозяин дачи и приехавший к нему друг по прошлым армейским делам Василий. Друзья когда-то вместе ходили на опасные задания и были накрепко связаны дружбой.

– А помнишь, – начал вспоминать Василий, – как тебя отстранили от командования лишь за то, что ты однажды близко подошёл к нелегалам в секретной части? Чёрт тебя дёрнул к ним подойти! А может, оно и к лучшему? Самолёт «бычье ярмо», как мы его называли, возил наших через границу с документами и долларами для друзей за границей. Если прямо говорить, это были друзья-грабители, они нелегально продавали нам продукцию своей фирмы по завышенным ценам. Вот однажды ночью послали нас с тобой в «бычье ярмо», мы за занавеской сидим, ждём... Самолёт поднялся, отключил опознавательные огни и стал планировать. Чуем, как его качнуло, и он как будто в яму провалился, стал падать. А у нас всё к горлу начало подниматься. «Ваше время, ребята! – прокричал нам лётчик из кабины. – Готовьтесь! Через минуту будете прыгать! Проверьте, всё ли взяли!» Я лап по карманам, вроде всё на месте: коробок спичек, коробок с чайной содой, коробок с полынью. Всё в смоле...

– Да, – вздохнул полковник, – было дело... Сода была нам нужна, чтобы в воду сыпать и обеззараживать её... А если живот прихватило – полынь в воду и пей. Пистолет под старым халатом был, старые ботинки на ногах, чалма на голове... Нам надо было донести деньги своим друзьям. Карта у нас была. А в заданном районе нас ждала машина. Рассекретить эту машину мы не имели права. А ещё у нас была одна немаловажная вещь – накидка в чёрно-белых пятнах. Если самолёт над нами пролетал, мы ложились на землю и укры-

вались ею: лётчик не мог нас увидеть. Во всяком случае, так нас инструктировали.

– Помнишь, мы получили страшный приказ, что если у нас произойдёт контакт с местным населением, то тот, кто нас увидит, должен умереть? – спросил друг. – Наверное, это из-за очень важных документов, которые были с нами.

– А ты у нас был нюхач, за версту чуял человека.

– Да-а-а, – протянул друг. – Помнишь, как мы спрыгнули с самолёта и попали в воду? Откуда оно там взялось, это болото? Видели мы, как «бычье ярмо» улетело, обсохли и быстро зашагали по горному ущелью в пункт, указанный на карте. Слева был пологий берег, травка на нём и на дне ущелья росла. Долго шли. И вот на взгорье метрах эдак в двухстах увидели стадо овец, а рядом с ними женщину-пастуха.

– Помнишь, ты ещё тогда носопырккой потянул и сказал, что она недавно родила, и достал пистолет? – спросил полковник. – «Да брось ты! – сказал я тебе. – Это женщина, да ещё мусульманка, она с чужим человеком не заговорит. А если вечером и скажет кому-то в доме, мы будем уже далеко отсюда». «А приказ?» – спросил ты. «Да какой там приказ? Им, командирам, лишь бы власть свою показать!» – ответил я. А ведь не дошло тогда до меня, почему эта мусульманка так далеко в горах находится, а не в своём ауле. У них женщины как рабыни, но чтоб пасти овец?! Мы тогда убыстрили ход, часа три шли по этому оврагу, устали... Я тебе велел прилечь и покемарить, а сам на стрёме встал. А потом

и я отдохнул. Думали: отдохнём и пойдём дальше. Вдруг ты вскочил, закрутил головой и зашептал: «Женщина здесь!» «Какая женщина?» – зашипел я. «Которую мы у стада видели, – ответил ты. – Пастушка, запах роженицы от неё идёт». Я вытащил из-под халата бинокль и посмотрел в ту сторону, куда ты указывал, и действительно увидел: за нами шла женщина, она была где-то в трёхстах метрах от нас. Мы быстро схватили всё своё и бегом от неё.

– Мы с тобой решили подняться на крутой берег ущелья, чтобы оторваться от неё или, на худой конец, за каким-нибудь валуном её подождать. Я стрелял из пистолета так метко, что кусок сахара на лету рассыпался в песок... Начали мы подниматься по крутизне, она метров в двухстах была... Ты впереди, я сзади... Вдруг – выстрел! Эхо с треском покатилося по ущелью. Пуля вышибла камень из-под твоих ног, ты сорвался и полетел на меня. А потом – голова-ноги, ноги-голова – и мы на дне ущелья. Ты орёшь: «Она снайпер!» Волна страха накатила на меня. «Дёру давай! – закричал ты. – Зигзаг удачи!» И сразу гулко забилося моё сердце, зашумело в голове, и я рванулся вперёд, а ты – за мной. А я бегал так, что лошадь мог запалить.

– Да-а-а, было дело, – протянул друг. – Я за тобой нёсся. Какой там зигзаг удачи?! Мы убегали от снайпера напрямую, хотя по инструкции надо было бежать, кидая тело то вправо, то влево. Глупость, конечно, но нам надо было быстрее выйти из обзора её оптического прицела. А она, змеюка,

стала издеваться над нами. У меня ветер с моей башки волос рвал... Я тебе заорал, чтоб ты сбросил скорость, потому что она нас, мол, не убьёт, только хочет положить до прихода группы захвата, а ты ещё поднажал так, что твоя тень от твоих ног отставала и плащ восточного джигита развевался по ветру, как у супермена в кино.

– Да, у меня сердце колотилось и барабанило в груди. Шум в голове перешёл в свист, натягивалась кожа на голове, и я чувствовал, как волос на голове поднялся. И тошно-вато-тоскливо стало у меня на душе, когда я ждал: вот сейчас пуля достанет меня в затылок. Хотелось крикнуть: «Не стреляй! Я жить хочу!» И, как мне показалось, я старался из кожи вылезти, когда нёсся по ущелью, и эти метры мы бежали целую вечность.

– Я тоже бежал и думал: «Сейчас пуля вцепится мне в затылок...» Наконец, мы повернули и по пологому склону взлетели наверх, где были валуны, спрятались за них и стали ждать появления её головы на срезе края ущелья. А ты кричал, искажая слова: «Женщина-мусульманка, пристрелить бы тебя!» А я засмеялся, и не потому, что у меня произошёл нервный срыв, а потому что страх прошёл, ведь теперь мы были хозяева положения. Ещё смеялся от того, что ты стал картавить, думал – от страха. Отсмеялся, и меня осенило: разлеглись мы, ждём её, а группа захвата-то не дремлет... «Тикаемо!» – по-хохляцки крикнул я и сорвался с места. Ты за мной, дыша мне в затылок, как паровоз, который пускает

пары. «Ты чего сорвался? – спросил ты, догнав меня. – Мы бы её подсидели». – «А группа захвата? Вот-вот на помощь ей придёт!» – «А, чёрт, мы у неё как на ладони! Валуны кругом... Есть где залечь, хоть умрём не за так, прихватим кого-то с собой...» И всё-таки мы удрали, задание выполнили... Потом ещё много раз ходили за бугор...

Вот об этом и вспомнили старые друзья перед днём рождения сына хозяина дома, а потом пошли за шумный стол. Отгуляв на дне рождения и немного поплясав, некоторые гости хотели уехать, но хозяйева настояли, чтобы все остались ночевать на даче, потому что были в крепком подпитии. Комнат в доме было много, всем хватало.

Хозяйка перед сном хлопнула ещё рюмочку и закусила салатом, потом стала убирать со стола всё, что осталось, и составлять в холодильник. Что не допито – тоже туда. Она гремела посудой... И вдруг послышался хлопок наверху, как будто сломалась доска. Она по-хозяйски подумала: «Как неаккуратны гости! Кто-то, наверное, софу сломал». Убрав всё со стола, она пошла на второй этаж в комнату мужа. Зайдя, почувствовала запах пороха, а взглянув на кровать, вскрикнула, но тут же зажала себе рот рукой: на виске мужа были видны пороховые пятна вокруг кровавого пятна, из которого на лицо стекали капли крови. На журнальном столике лежал пистолет. Она схватила его и потихоньку сошла вниз, чтобы её никто не увидел.

Хозяйка решила спрятать пистолет в гараже. Пошла туда,

нашла старую одежду шофёра, вытерла пистолет об неё, завернула в неё пистолет и спрятала за какую-то железяку. Потом раздумала. Взяла пистолет, вымыла его под водой в ванной и выбросила в траву под окном. Пошла наверх в комнату сына. Он спал. Она поцеловала его, натянула ему до подбородка одеяло и легла рядом на софу. «Кто мог это сделать? – размышляла жена убитого. – Неужели зять, которого муж не любил, потому что он мало зарабатывал?» Она вспомнила, как муж говорил о нём: «Накачала нам дочка дармоеда на шею». Он терпел его лишь из-за дочери. «Нет, зять не может. Муж хотел его устроить в часть на службу, но всё откладывал. А языки злые... Офицерам ещё можно приказывать молчать: мол, не ваше дело, но вот как их жёнам накинуть платок на роток?.. Может, это сделал его друг? Он же был с ним там, где сам чёрт не был. Муж иногда говорил в пьяном виде, что обидел своего друга и написал на него рапорт: мол, мешал ему выполнять какое-то задание. И друга после этого так прижали, что он выше капитана не поднялся.

Вот, может, он и решил отомстить?»

...А дело было так. Когда Василий и Антон уходили от группы захвата (об этом они как раз и вспоминали при встрече), то условились разорвать эту группу. У них были с собой шумовые гранаты, от которых было лишь много шума. У Антона вдруг прихватило сердце, и он не мог бежать. Василий завалил его камнями, опрыснул камни специальным ве-

ществом, а сам побежал дальше. Антон лежал под камнями и слышал, как через 15 минут взорвалась шумовая граната, а потом раздались звуки камней, катившихся из-под ног бегущих людей. Люди пробежали мимо него в сторону взрыва, и он слышал их надсадный сап. Антон представил, как сейчас удирает Василий: из шкуры вылезает... Прележав ещё минут пятнадцать, Антон потихоньку вылез из-под камней, осмотрелся и достал свою шумовую гранату. Но тут у него ёкнуло сердце, потому что представил себе, как сейчас за ним побегут и могут даже убить его. Он исчезнет с лица земли, и группа захвата только облизнётся, получив его труп. А Василий будет жить... «Нет, это просто расчёт, а не трусость, – успокаивал себя Антон. – И почему я должен умирать? Ведь никто не узнает, как я сидел под камнями...» И тут он услышал второй взрыв. И дрогнуло его ожесточённое сердце: он тоже бросил шумовую гранату и стал ракетой удирать по заранее спланированному маршруту. Он размышлял: «Людей из группы захвата к себе не подпущу! Очередь из автомата разрежет меня... Отпишут, что взять живым не было возможности. А в плен в южных странах лучше не попадаться: пытки будут невыносимые. Лучше настраивать себя на то, что такое смерть. Ну был ты – и нет тебя. А если покончить с собой из пистолета, тогда лучше стрелять в голову, а не в сердце. Говорят, страшные боли в голове от остановки сердца начинаются, потому что оно не будет уже гнать кровь к голове...»

Когда Антона привезли в родную часть и допросили, он успокоился. Его вызвали ещё и на допрос в КГБ как особо опасного преступника: в те годы всё ещё искали врагов народа. Ему предъявили обвинение в том, что он... хотел остаться за границей.

Он сидел на стуле. Руки его были сцеплены сзади спинки стула наручниками.

– Ты взорвал шумовую гранату через час после того, как твой друг убежал от тебя, а не через пятнадцать минут, – говорил следователь. – И ты притворялся, что у тебя больное сердце, чтобы сдать в плен...

– Какой мне резон сдаваться? – спросил Антон.

– А такой! Как пишет в рапорте твой напарник, ты хотел захватить деньги, которые вынесли фирме наших друзей за рубежом.

– Но я ведь отдал деньги, доставил их к месту назначения!

– Правильно. Всё правильно. Тебя взяли, всё узнали от тебя и, перевербовав, забросили опять к нам, чтобы ты вёл шпионскую деятельность.

– Это что, мой друг-напарник об этом написал в рапорте?

– Нет.

– Тогда какой мне резон служить чужой разведке здесь, у нас?

– А резон такой. Ты только прикрываешься пролетарско-крестьянским происхождением: мол, отец у тебя инвалид войны и герой, добровольно пошёл на фронт, а мать кре-

стьянка. А отец у тебя до войны зеком был и на фронт пошёл не добровольно. Наши доблестные защитники социалистического строя зашли на зону и сказали: «Все на фронт! А кто хочет остаться в живых – оставайтесь, но кормить вас не будем и выпускать не будем». И твой батя загремел на фронт. У него был шанс искупить кровью своё преступление перед Отечеством, что он и сделал. Повезло ему – инвалидом стал.

– Тебе бы так повезло, – буркнул Антон.

– Что, вражина? – подошёл к нему следователь и захрипел в лицо: – А ещё ты сокрыл, что у тебя в семье в тридцатых годах от голода умерло десять человек!

– Они умерли из-за государственного голодомора, потому что хлеб нужен был для отправки за границу. Его там меняли на оборудование для заводов и фабрик.

– Вот за что ты, оказывается, ненавидишь советский строй?

Антон опешил... Он знал, что у него в семье умерли несколько человек от скарлатины – так говорила мать... Но при чём тут советский строй?

– Если бы я знал об этом, лучше бы остался за границей. Ничего я больше тебе не скажу.

– Он не скажет... – буркнул следователь. – Ты слышал анекдот про школу? Учительница говорит детям: «Кто принесёт живое существо, которое скажет хоть одно слово, тот получит пятёрку». На другой день дети принесли кто попугая, кто галку, а Вася принёс лягушку. Дети смеялись: «Ля-

га говорит только слог «ква». «У меня и слово скажет сейчас», – ответил им Вася, взял её за задние лапки и ударил головой о парту. Лягушка сказала: «Ква». Он второй раз ударил её. Она снова: «Ква». Он третий раз как ударит, а она: «Кватить!» «Вот видите, заговорила!» – радостно сказал Вася. Так и ты у нас... – и следователь закатился в смехе, а потом коротко, без размаха, врезал Антону в лицо. На его глаза накатило синеватое озеро, и он полетел со стулом вместе на пол. Приземлился он на скованные наручниками руки и почувствовал сильную боль. Следом получил ещё один удар ногой по руке и тут же ударился о ножку стола. Стул выскользнул из-под него, причинив невероятную боль рукам. Антон вскочил на ноги и обученный правилам костоломной борьбы, ударил следователя с расчётом попасть ему в живот. Но тот, готовый ко всяким неожиданностям, увернулся и сам замахнулся в Антона ногой, целясь в лицо. Антон отбил его ногу, и ему удалось ударить следователя ногой в живот.

– Караул! Убивают! – заревел следователь.

В кабинет сразу ворвались четверо и, как говорится, заставили его искать пятый угол. Он услышал последние слова офицера: «Хватит! Убьёте!» и потерял сознание. Очнулся он только в больнице...

Врачи – они и есть врачи! Провели обследование и установили по кардиограмме, что он действительно не мог бежать, так как у него сильно расширен левый желудочек сердца и есть гипертрофия сердца, что и вызвало боли, это было

предынфарктное состояние. Дело закрыли. А Василий потом оправдывался перед ним:

– Извини, я честно верил в то, о чём писал, что ты враг народа. Очень долго ты не взрывал гранату, а они на меня полезли. А когда ты взорвал её, я не слышал: был, наверное, очень далеко...

В коридоре послышались шаги... Хозяйка потихоньку встала и чуть приоткрыла дверь: друг её мужа, Василий, в трусах и майке спускался вниз по лестнице... Она прикрыла дверь и прислушалась. В санузле зашумела вода. Хозяйка крадучись отошла от двери. Ей было слышно, как он прошёл в свою комнату... Через несколько минут она не выдержала и снова пошла в комнату мужа.

– Убили! – на этот раз закричала она. – Антона убили!

Захлопали двери комнат... Около открытой двери комнаты мужа столпились гости... Дочь тоже прибежала и обняла плачущую мать.

– Мама, – говорила она сквозь слёзы, – не плачь! Теперь его не вернёшь!

Зять уже звонил в «скорую» и в полицию. Через несколько минут приехали пятеро полицейских, вошли в дом и попросили людей не толпиться у комнаты покойного, не мешать, а один отвёл жену вниз и начал её допрашивать:

– Скажите, во сколько вы легли спать и во сколько гости?

– Я не наблюдала время. Я легла последняя.

– Зинаида Тимофеевна, вы, когда убирали со стола, ничего не слышали?

– Слышала...

– Что?

– Как будто кто-то сломал доску наверху. Я ещё подумала...

– Что подумали?

– А ничего... Мало ли что мне в голову втемяшится?

– А входные двери у вас все были закрыты?

– Да, я всегда проверяю, всё ли закрыто, перед сном. Мало ли кто ходит по посёлку.

– А где же орудие убийства?

– Какое орудие? Пистолет, что ли?

– Да, пистолет...

– Не знаю.

Опера вскоре нашли пистолет в траве под окнами и отправили его на экспертизу.

Василий не попал на похороны друга Антона. Через три дня его уже допрашивали. За три дня следки успели кое-что нарыть на него. Из КГБ прислали документ, что он в своё время писал рапорт на друга...

Василий, сидя в кабинете следователя, утверждал, что они с Антоном давно помирились и были по жизни друзьями. Правда, Антон больше преуспел в военной карьере, а вот у друга карьера складывалась неудачно. Он не был везунчи-

ком, не так прилежно служил, и начальство терпело его лишь за то, что у него было героическое прошлое.

– Хочешь, я расскажу тебе анекдот? – предложил Василий.

– Ты мне тут ещё анекдоты рассказывать будешь? – крикнул следователь.

– Ты послушай... Прибегают две сестры к брату и кричат: «Братик, мы вызвали дух Казановы, и он нас два часа любил!» «Ну, в то, что вы вызвали дух Казановы, я верю, но чтоб вас, дур, он два часа любил, тискал, не верю?» – «Почему?» – «Потому что я видел, как сосед Васька переоделся в Казанова и пошёл к вам».

– Ну и к чему ты рассказал мне это?

– А потому, что ты вызвал дух, ушедший давно в небытие. И кто-то воспользовался этим и убил моего друга.

– Ты вот что, не морочь мне голову. Вот бумага, вот авто-ручка, пиши добровольно, как совершил преступление. Суд учтёт это и года два скостит.

– Ничего я писать не буду!

– Может, ты хочешь адвоката?

– Ничего мне не надо! Я не виноват, и не шей мне дело!

– Ты что, сидел?

Василий оскорбился:

– Почему ты спрашиваешь об этом?

– Речь у тебя бластная... Смотрю, ты расслабился совсем. Давай я тебе лучше Уголовный кодекс почитаю, что тебя

ждёт. Вот смотри, статья... – Тут в дверь постучали... – Да, – сказал следователь.

Дверь «зевнула» и впустила человека.

– Вот анализы экспертизы, товарищ следователь, – сказал вошедший.

Следователь встал и вышел с пришедшим за дверь. Василий напрягся. До его слуха донеслось:

– А ошибки не может быть?

– Нет.

Через минуту дверь снова «зевнула» и впустила в комнату следователя. Он был почти весел:

– Ну вот, пошутили мы здесь и хватит. Я тебя, Василий, отпускаю! Но ты всё-таки посиди тут ещё немного, поразмысли о судьбе человека.

Это был уже доброжелательный и вежливый человек. Василий подумал: «Он как палач, который расстреливает людей, а дома – добрый и заботливый отец и муж. Видно, в нём есть что-то хорошее, это из него не выбьешь. Но что мне от этого? Друга потерял, и тюрьма меня ждёт. Этот памятник меня посадит!» Так окрестил он следователя.

А «памятник» был в это время у своего начальника и доказывал:

– Рано отпускать его. У него есть мотив – месть за рапорт друга. Но экспертиза показала, что никаких пороховых крупиц у него на одежде нет, и в носоглотке нет. Значит, он не убивал. А может, он на расстоянии как-то приспособился?

Он был в спецслужбах и знает, как заметать следы.

– Отпускай его...

– Такой мотив у него, а у меня версия...

– Я говорю, отпускай его! Мы нашли настоящего убийцу! – От неожиданности следователь сел на стул. – Проверляли спецодежду водителя полковника в гараже: на ней пороховые крупички, и пахнет она порохом. Так что скоро тебе его опера с группой вызова доставят.

Василий поднял голову, когда в зевок двери вошёл следователь.

– Извиняйте, товарищ, – сказал тот, – ошибочка вышла! Слишком много на вас грехов. Но наши недремлющие органы не спят и выявили другого бандита. Извините тысячу раз, – говорил он, подписывая пропуск.

Василий встал, взял пропуск, следователь протянул руку для прощания...

Через несколько минут в кабинет ввели молодого симпатичного человека. Он смотрел на следователя по-телячьи преданно, хлопал веками голубых глаз... Сразу было видно по его поведению, что он доволен, что им повелевают...

– Ну, садись, Николай Иванович, пиши признание. Признание смягчает наказание.

– В чём признаваться?

– Как в чём?! В убийстве своего шефа.

– Я его не убивал!

– Ну как не убивал? В гараже полковника нашли спец-

одежду, в которой ты обслуживал машину, она в пороховой копоти, и пятна масла от пистолета...

– Так я не был в день убийства в доме шефа! Я ездил на рыбалку в этот день!

– Это как так? У шефа был день рождения, и он тебя не пригласил?

– Ну и что? Не успел, так сказать, ещё с ним сродниться.

– Ишь какой умный! Сродниться не успел, а уже грохнул. Между прочим, ты убил важного сотрудника секретного ведомства!

– Если он секретный работник ведомства, как вы говорите, то зачем мне его убивать?

– А ты не так прост, как кажешься! А затем убивать, что тебе заплатили.

– Как заплатили?

– Давай пиши! Протокол я пока не буду составлять, явку с повинной тебе оформлю. Ты что, не понимаешь, дуралей?

– Да как я сделаю убийство, если у него в доме все двери запираются?

– Не сделал, а совершил, понимаешь, совершил?! Ты днём приходил к шефу?

– Приезжал...

– В дом заходил?

– А как же! У него застолье к вечеру готовилась. Я привозил снедь для стола. Я специально для этого багажник в чистоте содержу...

– Ну вот... зашёл, принёс снесь, зашёл в ванную, открыл запор окна и оставил так... Дождался ночи, пришёл и убил... Сознаться, дурачок, зачем это сделал? Чем он обидел тебя? Девушку у тебя отнял или ещё чем обидел?

– Никто и ничем меня не обидел!

– Ты что думаешь, мы ничего не знаем? Да наши оперативники сразу проверили все двери, окна и там, в ванной, нашли окно без запора. Кому ты лапшу на уши вешаешь?! Ну, не хочешь в сознанку идти, не надо, у меня и так достаточно улик, чтоб тебя сопроводить в тёплое место в Магадане.

– Да не убивал я! Зачем мне его убивать? И чем он может мне так насолить, когда он мне даже в дом не разрешал заходить.

– А вот ты и попался! То говоришь, что в дом не пускал, то говоришь, что заносил снесь на праздник. Значит, всё-таки нашёл повод зайти и открыть окно? А что? Дело одной минуты!.. Не хочешь – как хочешь! Хотел я тебе сделать доброе дело, но ты из тех, кто кусает руки, кормящие его.

Следователь делал вид, что пишет фамилию и имя, а сам посматривал на подследственного и следил, как он себя держит. А тот был в раздумье. «Что делать? – размышлял он. – Они могут меня замордовать. А тут сознаюсь, покаюсь... Нет, этого делать нельзя! Надо стоять на своём до конца! Я же не убивал. Это сколько, значит, невинных сидят?!» Его сердце обожгло холодом...

А следователь думал: «Спецодежда – это не надёжная ули-

ка. Могли и подкинуть, вытереть пистолет, а её бросить в гараже... Начальник тоже предупредил, что улики косвенные...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.